

ДИСКУССИИ

Круглый стол “Шансы и риски для демократии в Украине после выборов 2019 года”¹

Вступительное слово

Ныне широко известно высказывание, которое приписывают Уинстону Черчиллю: “Демократия — наихудшая форма правления, за исключением всех прочих”. От первых своих античных проявлений до постмодерных времен демократия как политический строй, способ правления и основы общественной жизнедеятельности всегда является актуальной темой для обсуждений, дебатов и исследований касательно ее открытых возможностей, но также и противоречивых рисков в разных ее исторических практиках и политико-культурных манифестациях.

Современный мир переживает определенный спад мировой демократизационной динамики. Отчасти это связано с глобальным сдвигом баланса власти в пользу авторитарных режимов, в частности Китая, и новыми вызовами для демократии вследствие роста массовых настроений недовольства, обусловленных углублением экономического неравенства и утратой личных статусных позиций для многих людей в глобальном мире. Одним из факторов кризиса европейской либеральной демократии и усиления политического влияния популизма стали и мощные волны миграционных процессов из Азии и Африки. Современная демократия сталкивается также с многочисленными угрозами, вызванными коррупционными деформациями основных ее институтов и манипулятивными практиками превращения общественного диалога в PR-технологическую охоту за избирателем посредством активного информационного бомбардирования сознания индивида, будь то интеллектуала или же из разряда “простых людей”, соблазнами быстрых чудодейственных преобразований.

Цель этого круглого стола — обсуждение вызовов и угроз демократическому развитию Украины в условиях еще не устоявшихся демократических институтов, переживающих затяжные процессы общественных трансформаций. Цикличность отечественного общественно-политического развития страны, в частности изменчивые конфигурации гибридного политического режима, колеблющегося между авторитаризмом и “фасадной” демократией, а также протестные Майданы как радикальный способ урегулирования конфликтов между властной повесткой и общественными ожиданиями, — все это свидетельствует о хрупком и неустойчивом характере демократии в стране. Сложившаяся после президентских и парламентских выборов 2019

---

¹ Круглый стол проходил в Институте философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины 29 ноября 2019 года.

года общественно-политическая ситуация, отличающаяся политическим доминированием одной партии во всех ветвях государственной власти, также несет определенные риски. Ведь в условиях неутвердившихся институтов властных сдерживаний и противовесов, неконсолидированной демократической культуры и в обстоятельствах политического и военного конфликта политическая монополия власти может стать фактором усиления авторитарных политических тенденций. Исследование этих противоречивых институциональных динамик в спектре их социально-структурных, социально-психологических и социокультурных проявлений, анализ этих вызовов, рисков и угроз для демократического развития страны является актуальной задачей гуманитарного знания.

Это побуждает к откровенному и широкому общественно-научному обсуждению проблематики демократии, ее состояния, особенностей развития и общественного запроса на демократию в стране. Среди важнейших тем такого обсуждения отметим следующие: “либеральная демократия: риски популизма и авторитаризма”, “национальная идентичность и демократические режимы”, “политическая перспектива e-демократии”, “демократические свободы и государственное принуждение” и т. п.

Данный совместный круглый стол двух журналов, объединяя экспертные мнения социологов и философов, также является определенным шагом в данном направлении. Конечно, не стоит делеять иллюзий на чудодейственное влияние этого обсуждения на общественные умонастроения. Однако, как свидетельствует опыт, подобные практики полезны, поскольку сами по себе расширяют поле демократических возможностей диалога и способны нанести ощутимый и, похоже, результативный удар по любой монополии обмана.

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО (модератор),

доктор социологических наук, Ph. D. Манчестерского университета (Великобритания), главный редактор журнала “Социология: ТММ”. Институт социологии НАН Украины (Киев, 01021, ул. Шелковичная, 12)

VIKTOR STEPANENKO (moderator),

Doctor of Sciences in Sociology, Ph.D. at Manchester University (UK), Editor-in-Chief of “Sociology: TMM”. Institute of Sociology, NAS of Ukraine (12, Shovkovychna, Kyiv, 01021)

sociologia-glavred@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0002-3623-0057>

ОЛЕГ БИЛЫЙ (модератор)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии культуры, этики и эстетики. Институт философии имени Г.С. Сковороды НАН Украины (Киев, 01004, Трехсвятительская, 4)

OLEH BILYI (moderator),

Doctor of Sciences in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of Philosophy of Culture, Ethics and Aesthetics. H.S. Skovoroda Institute of Philosophy, NAS of Ukraine (4, Triokhsviatytska St., Kyiv, 01004)

obilyi@gmail.com

АНАТОЛИЙ ЕРМОЛЕНКО,

член-корреспондент НАН Украины, профессор, доктор философских наук, директор Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины, главный редактор журнала “Філософська думка”, Киев

Социальные технологии как угроза демократии

Сложилась хорошая традиция проводить совместные мероприятия двух институтов НАН Украины: Института социологии и нашего института, а также научных журналов “Філософська думка” и “Социология: теория, методы, маркетинг”. К тому же наш сегодняшний круглый стол посвящен теме “Шансы и риски для демократии в Украине после выборов 2019 года”. Что может быть актуальнее этой темы, ведь демократия в Украине в очередной раз переживает кризис вследствие порой неумелых, в основном провокативных, а зачастую и намеренно разрушительных действий нынешней власти. Правовой и моральный нигилизм, сопровождающий власть после президентских и парламентских выборов, институциональная неустойчивость, вызванная “проблемами легитимации раннего капитализма”, каковым является наше общество, особенно в условиях усиления популистских тенденций, может привести к саморазрушению демократии.

В свое время Карл Мангейм в книге “Человек и общество в эпоху преобразования” писал, что демократия может стать тем лифтом (Fahrstuhl), который поднимает наверх, к власти иррациональные силы. Эта работа могла бы стать предостережением для Германии, однако она была впервые напечатана в 1935 году, уже после прихода к власти Гитлера на выборах в парламент в 1932-м. Настоящий полный захват власти произошел после принятия пресловутых законов: “Декрета рейхспрезидента о защите народа и государства” и “О дополнительных полномочиях”, соответственно от 28 февраля и 24 марта 1933 года и особенно после упразднения должности президента Германии 2 августа 1934 года. Так была фактически демонтирована Конституция Веймарской республики, что и стало государственным переворотом. Но тот факт, что национал-социалисты пришли к власти легитимным способом, путем выборов, свидетельствует о том, что еще не утвердившиеся демократические институты как раз и могут стать тем “лифтом”, который поднимет к власти разрушительные для самой демократии силы.

Впрочем, этот опыт может стать предостережением для нас. Конечно, не хотелось бы проводить прямые аналогии. Однако есть много схожего в тогдешней истории Германии и в нынешней ситуации в Украине. Нас нередко пугали и пугают опасностью авторитаризма и даже тоталитаризма, связанной, якобы, с правым радикализмом и “бешеным национализмом”. Однако эта опасность может прийти с другой стороны, откуда ее совсем не ждешь. Не напоминает ли моральный и правовой нигилизм, ставший признаком нашего времени, ситуацию в Германии 30-х годов XX века? Как здесь не вспомнить вопрос-западню Гитлера: “Так право для народа или народ для права?” Кажется, ответ самоочевиден: конечно, право должно служить народу. Но эта очевидность лишь мнимая, ведь когда правовой порядок будет устанавливаться только большинством и при этом будет доминировать принцип “революционной целесообразности”, то от права ничего не останется.

Правда, следует отметить, что кризис демократических институтов — это общая тенденция сегодняшнего мира. Она вызвана прежде всего тем, что

мир, в котором мы живем, по сравнению с миром, когда в Древней Греции возникали демократические институты, несоизмеримо сложнее, комплекснее, контингентнее. Уже тем самым он содержит в себе риски и угрозы. Конечно, в странах развитой демократии такие саморазрушительные тенденции сдерживаются благодаря демократическим институтам и принципу “разделения властей”, служащим предохранителями от скатывания власти к авторитаризму и даже к тоталитаризму. В некоторых странах, например в Германии, в Конституции прописано положение о том, что “все немцы имеют право на сопротивление кому-либо в случае попытки устранить этот порядок” (ст. 20, 4). Однако и в этих странах специалисты все чаще отмечают кризис “представительской демократии”. Речь также идет о “симулятивной демократии” как неотъемлемой составляющей диагноза “глобального общества рисков”. В связи с этим ведется поиск новых форм демократии: цифровой, интернет-демократии, делиберативной демократии и т. п.

Как известно, недавно, а именно 9 ноября, Германия и, как раньше говорили, все прогрессивное человечество, отметили 30-летие падения Берлинской стены. В этот день и я поздравил моего коллегу Дитриха Бёлера — известного представителя этики дискурса, соратника Карла-Отто Апеля, с этим событием. Конечно, он меня поблагодарил в своем ответном письме, но в этом письме было и несколько горьких слов: “К сожалению, — пишет он, — наши ожидания от 1989 года во многом не оправдались вследствие новой волны антисемитизма, правого радикализма и слепого пренебрежения проблемами изменений климата”. Напомню, что “Альтернатива для Германии”, набирающая вес в немецком политикуме, как раз и выступает с таких позиций.

А о наших ожиданиях и чаяниях нечего и говорить. События последнего времени свидетельствуют о попытках не только разрушить парламентско-президентскую республику, но и демонтировать парламентаризм в целом. Досрочное прекращение деятельности парламента, “турборежим” работы его нового созыва, скандалы с депутатами, монопартийность власти — все это является убедительным свидетельством угрожающих тенденций “дрейфования” власти к авторитаризму. Казалось бы, власть “вот-вот устанет” и уже не только перестанет прислушиваться к оппозиции и к голосу гражданского общества, но и сделает все, чтобы этой оппозиции вообще не было. Это все приводит к монологу власти, поэтому преимущественно ее решения публично не обсуждаются, а если аргументы и приводятся, то их довольно сложно назвать уместными, а само обоснование нередко ведет к перформативному противоречию утверждения самому себе, как, например, решение о роспуске ЦИК Украины: “Я легитимный президент, утвержденный действующей ЦИК, утверждаю, что комиссия действовала с нарушениями, которые подрывают легитимность выборов”. Это противоречие заключается в том, что форма высказывания, в которой что-то утверждается (“я легитимный президент”), противоречит его содержанию, что ставит под сомнение легитимность выборов.

Нужно также отметить роль социогуманитарных наук в этом процессе. Ведь общество, имеющее знание о себе (я абстрагируюсь от вопроса, в какой мере это знание является истинным), иное, нежели общество, не имеющее такого знания. Знание общества о себе является структурой обратной связи для общества, “просвещением” как структурным элементом общества. Однако может быть и искаженное просвещение, которое воплощается в агитации и пропаганде, в рекламе и прочих способах вербовки. Этот фактор может проявляться и в социологических исследованиях. Ведь все эти рейтинги, “заме-

ры” общественного мнения — это не сугубо объективные исследования, управляемые некоему “трансцендентальному субъекту”, или “абсолютному разуму”. Эти исследования “работают” в нашем обществе, выполняя функцию деформированного “социологического просвещения” (вспомним дискуссию Юргена Хабермаса и Никласа Лумана в их совместной книге “Теория общества или социальная технология”).

Мы постоянно слышим социальных и политических технологов, социальных инженеров, щеголяющих тем, что свои усилия, подкрепленные цифровыми технологиями, направляют в русло воздействия на социальный объект, чтобы вызвать изменения средствами влияния на него. Главное здесь — тот факт, что коммуникация в данном случае происходит в виде стратегического действия как социальной формы целерационального, или инструментального действия, которое, в свою очередь, выстраивается по схеме субъект-объектного отношения, в противовес субъект-субъектному взаимодействию в коммуникации. Такие действия и называются социальными и политическими технологиями, предназначенными не для достижения взаимопонимания с субъектами коммуникативного действия, а для использования их ради достижения партикулярных, зачастую скрытых, целей посредством влияния на сознание и коммуникацию граждан.

Разумеется, подобные технологии являются непременной составляющей сферы публичности, которая не только структурируется на основе коммуникативного действия, но и предполагает также действие стратегическое. Эта диалектика коммуникативного и стратегического действий обуславливает противоречивую природу сферы публичности: нечто делать достойным общественности, а нечто — утаивать. Это особенно важно в ситуации войны, ведь военное искусство предполагает понимание стратегического действия в его первичном значении, то есть именно как войны. В этом понимании стратегическое действие предполагает и неискренность и закрытость, различные формы утаивания, дезинформации и манипуляции. Оно в определенной мере может быть оправданно в отношении политического или военного противника, когда отношение к другому структурируется субъект-объектным отношением, предельным проявлением которого может быть парадигма политического “друг — враг”, выдвинутая в свое время немецким политическим философом Карлом Шмиттом. В этом случае стратегическая составляющая дискурса предстает как “дискурс власти”, то есть как спор, в котором нужно победить любой ценой, а не найти истину. Тогда дискурс принимает искаженные формы, изменяется и его топос: “Стадион, так стадион”. Однако такому дискурсу не место там, где речь идет о собственном народе, о всеобщем благе, где основополагающим должно быть диалогическое отношение, согласно которому *Другой*, *Иной* является не врагом, а “партнером в дискурсе”, где единственным “принуждением должно стать принуждение более весомого аргумента”. И в этом должны уравновешиваться “обязанность знать и право не знать”.

То есть когда отсутствуют четкие процедуры вынесения вопросов на обсуждение, учет общественного мнения и соответствующего принятия решений, демократия, о чем уже говорилось, все больше и больше превращается в “симулятивную демократию”, становится непосредственным “средством власти и господства”. Эту “работу выполняют другие” (социальные инженеры и политтехнологи), которые гордятся тем, что занимаются подобными манипуляциями и предстают как “класс нового духовенства”, как писал

Хельмут Шельски в одноименном исследовании “Работу выполняют другие”. При этом они забывают, что общество нельзя изменять исключительно инструментально, “как повар готовит вкусное блюдо” (Ю. Хабермас), не прибегая к поиску настоящего согласия и взаимопонимания с самими гражданами, а проводя опросы в превращенных формах. Вспомним также, что именно так проводились многочисленные референдумы в нацистской Германии и именно таким образом устраиваются референдумы в оккупированных Россией Крыму и на Донбассе.

Нынешняя власть этот алгоритм пытается распространить на всю Украину, намереваясь проводить референдумы по тем вопросам, которые не требуют подобных опросов, эксплуатируя идею “прямой демократии”. И в этом большая опасность. Вспомним, что больше всего референдумов было в Германии во времена национал-социализма, тогда как Федеративная Республика отказалась от этого опасного инструмента. Настоящая же коммуникация власти и гражданского общества сворачивается. И если предыдущая власть не только информировала общественность, но и пыталась учитывать ее позицию по тем или иным вопросам, то нынешняя власть под предлогом каких-то конспирологических причин зачастую даже не информирует общественность, что уж говорить о попытках ввести хоть какие-то проявления делиберации, все больше превращающихся в имитацию или симуляцию.

Хотя следует отметить, что симулятивная демократия не только является следствием недоразвитости подсистемы коммуникативного действия, но и связана с недоразвитой подсистемой целерационального действия. Вследствие этого политический дискурс вместо аргументации подменяется дискуссиями без определенной цели, болтовней, пустыми разговорами, красноречивостью и т. п., не имеющими никаких последствий, что не приводит к принятию эффективных решений и воплощению их в жизнь. Этим, к сожалению, пестрит нынешнее медийное пространство.

Такой политический “дискурс” не превращается в политическое действие, когда не решаются настоятельные вопросы, вследствие чего складывается крайне опасная ситуация для развития демократии как таковой, поскольку наступает усталость граждан от “постоянной болтовни” и возникает неверие в эффективность соответствующих институтов, а отсюда и синдром ожидания “сильной руки”. Напомню, октябрьский переворот в России 1917 года произошел в результате беспомощности Временного правительства, а захват власти нацистами в Германии в 1933 году — именно в результате слабости Веймарской республики. Такие социальные катаклизмы были следствием недоразвитости парламентаризма, гражданского общества и неэффективности *дискурсивных практик* разрешения социальных проблем и в конечном счете привели к разочарованию в *res publica*. Подобное разочарование проявляется в Украине и сегодня, когда под давлением популизма “работают” не аргументы, а эмоции, когда театрализация политической жизни приобретает форму гротеска.

Чтобы республика стала по-настоящему эффективной, нужно возобновить связь государства и гражданского общества. Эта связь проявляется не только на выборах и референдумах, она должна быть в постоянных контактах общественных организаций и институтов власти. Общественным организациям необходимо предоставить не только консультативную, совещательную функцию, но и функцию законодательной инициативы. В свою очередь, власть должна стать понятной, открытой и предсказуемой для

граждан. Для этого нужно наладить диалог власти и гражданского общества, чтобы постоянно слышать голос не только большинства, но и меньшинства. К тому же нужно не только слышать этот голос, но и уметь воспринимать аргументы гражданского общества, которое, я уверен в этом, власти не даст спуска. Такая взаимная диалогически-аргументативная настроенность власти и гражданского общества и будет признаком их зрелости, признаком развитой демократии украинского общества.

СЕРГЕЙ ДЕМБИЦКИЙ,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Либеральная демократия: риски популизма и авторитаризма

Я хочу высказаться по поводу такого лейтмотива сегодняшнего круглого стола, как “Либеральная демократия: риски популизма и авторитаризма”. С ноября прошлого года я руковожу исследовательским проектом “Политическая культура украинского общества: тенденции развития в условиях новейших вызовов”. Для сбора данных были проведены три общенациональных опроса, ядром которых стали вопросы именно об отношении к демократии и авторитаризму. Вопросы о демократии были сформулированы в обратном стиле, то есть как антидемократические суждения. В случае авторитаризма использовались суждения о возможностях именно авторитарного лидера в удовлетворении важнейших общественных потребностей.

Если говорить о полученных результатах в обобщенном виде, то украинское общество является выраженно авторитарным и антидемократическим, особенно антидемократическим, если говорить о демократии в Украине.

Первый вопрос здесь касается того, правильно ли говорить об авторитаризме в чистом виде. На мой взгляд, за этим авторитаризмом на самом деле скрывается разновидность патернализма, являющаяся ответом населения Украины на существующие проблемы институционального характера. Решать индивидуальные проблемы рядовые граждане научились, институциональные — нет. Отсюда ожидания политического лидера, который эти проблемы должен решить.

Собственно здесь возникает определенный патерналистско-авторитарно-популистский симбиоз. Наше общество находится на таком уровне политического развития, когда наилучший способ для политика заявить о своих возможностях в улаживании общих проблем — это именно популизм. Минувшие выборы продемонстрировали, что украинский политикум производит самые разнообразные по содержанию формы популизма, полностью удовлетворяющие потребности нашего гетерогенного общества в политических нарративах. Но как только очередной фаворит нации критически отклоняется от образа человека, способного справиться с общими проблемами, все его авторитарные чары утрачивают силу в глазах массового потребителя.

Такая ситуация имеет как положительный, так и отрицательный аспект. Положительный связан с тем, что переход к чистому авторитаризму маловероятен. Если это и произойдет в результате силового захвата власти, то никогда не получит широкой поддержки. А вот отрицательный аспект связан с устойчивостью патерналистско-авторитарно-популистского симбиоза. Фактически общество не проиграет окончательно, но и выиграть не может.

Описанные проблемы влекут за собой утрату веры в конструктивные возможности демократии в нашей стране. Украинская демократия выглядит для людей как средство достижения властей группами партикулярных интересов для дальнейшего достижения собственных целей. Можно сказать, что политики являются инсайдерами демократии в Украине, а все мы — аутсайдерами. Поэтому нужно осознавать, что политические элиты Украины заинтересованы не в решении указанной проблемы, а скорее — в ее сохранении. Это такое равновесное состояние нашей политической системы на современном этапе. Оранжевая революция и Революция Достоинства, хоть и продемонстрировали гражданский потенциал украинского общества, но не вышли за рамки статус-кво во взаимодействии между элитами и массами, при котором интенсивные всплески социальной напряженности направляются в русло конкурентной борьбы между политическими игроками, принадлежащими к политическим элитам.

Учитывая этот факт, не стоит надеяться на какие-либо положительные изменения в политической культуре украинского общества без изменения структуры отношений между политической властью и населением. Фактически я говорю о формировании нового политического сознания через овладение общими демократическими практиками, основанными на отстаивании своих конституционных прав, что предполагает перманентное участие в этих практиках. Фундаментом таких практик выступают два аспекта. Первый состоит в выстраивании прагматического гражданского консенсуса, разделяемого подавляющим большинством граждан Украины. Второй — в перенесении социального конфликта с дихотомии “запад — восток” на дихотомию “гражданское общество — властные элиты”. Разумеется, такой конфликт не принципиален, но должен существовать лишь в тех условиях, когда властные элиты становятся носителем разных негативных явлений: коррупции, групповой закрытости, популизма и др. На данном этапе этот конфликт существует в латентном виде и, соответственно, не может быть снят.

☛ Сергей Пролев:

Не кажется ли вам, что в вашем выступлении возникло внутреннее противоречие? Ведь вы начали с констатации (на основе, как я понимаю, социологических исследований) того, что украинское общество является авторитарным и антидемократическим. Между тем было бы интересно, на основе каких социологических данных сделан такой вывод. Но в то же время далее вы выдвинули следующий тезис: якобы авторитаризм не будет иметь широкой поддержки в обществе. Если общество настроено проавторитарно, то можно ожидать такой поддержки. Поэтому либо с первым тезисом что-то не так, либо второй тезис не совсем оправдан. Итак, во-первых, на какие данные опирается утверждение об авторитарном характере украинского общества, а во-вторых, как решается указанное противоречие?

☛ Сергей Дембицкий:

Данные представляют результаты социологического теста “Демократические культуры”, разработанного Евгением Головахой, а затем усовершенствованного мною. Вопросы теста формулировались в контексте как украинской демократии, то есть ее состояния в нашей стране, так и демократии развитых стран. Люди соглашались, что в нашей стране демократия действительно представляет собой определенные механизмы захвата власти и обеспечения своих интересов. А что касается авторитаризма, то выдвигалось

утверждение, что именно сильный политический лидер, или “сильная рука”, сможет удовлетворить определенные общественные потребности. И люди соглашались с этим, как я и говорил. Это затем трактуется как признак авторитаризма. Если мы берем другие исследования, с другими вопросами, то мы точно так же всегда фиксируем (не только в моих исследованиях) большой авторитарный потенциал нашего общества. Что касается противоречия, то в самом деле у нас оно возникает. Если бы все действительно так прямо срабатывало, то наш предыдущий президент точно остался бы президентом, ведь у него очень хороший авторитарный потенциал, как я полагаю. Но я считаю, что за ответами наших респондентов, за их согласием с такими утверждениями стоит не авторитаризм, а именно потребность людей в том, чтобы кто-то решил определенные задачи на государственном уровне, поскольку самостоятельно они на это не способны. Поэтому когда они видят, что человек не справился, его отклоняют, какой бы дискурс он ни использовал в своих речах, лозунгах и т. п. То есть в конечном счете я думаю, что авторитаризм — это то, что фиксируется скорее на поверхности.

☛ **Евгений Головаха:**

Теоретически мы авторитарны, а практически...? Если бы такая персона, как Лукашенко, пришел у нас к власти, может, Украина и стала бы авторитарной.

☛ **Анатолий Ермоленко:**

У меня такой вопрос. Действительно, с одной стороны, у нас есть потенциал авторитаризма, поскольку еще очень много, так сказать, пережитков даже патриархального общества, но не заложена ли такая возможность уже в нашей Конституции? В парламентско-президентской республике? Причем, если мы возьмем полномочия президента, то это очень большие полномочия. Вспомним, каждый президент пытался перетянуть на себя всю власть. И не в этом ли заключается противоречие? Не только в том, что существует такой патернализм в нашем обществе, но и в том, что в конституционном противоречии уже таится подобная опасность.

☛ **Сергей Дембицкий:**

Я не специалист по праву. Эти проблемы — конституционной противоречивости или законодательной — воплощаются в том, что у нас существует закрытая политическая группа, и они на самом деле делают, все что хотят. То есть у нас верховенства права как такового нет. Выходит, что проблемы идут именно от верхов. Для них право — это некий мячик, которым можно играть.

СЕРГЕЙ ПРОЛЕЕВ,

доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии культуры, этики и эстетики Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины, Киев

Самоугрозы демократии

Понятие “риски демократии” по своему смыслу амбивалентно, и даже — если употребить искусственное выражение — трехвалентно. Во-первых, о рисках демократии речь идет в измерении тех имплицитных угроз демократии, которые возникают из самого процесса демократического правления. Демокра-

тия постоянно остается под угрозой не только со стороны неких внешних социально-политических сил или практик, но и со стороны самой себя. Она постоянно порождает опасности самоотмены из-за определенного развития и трансформации присущих ей самой принципов правления. О природе таких рисков, свойственных демократии, говорят с античных времен (в частности, уже у Платона находим системные рассуждения по этому поводу).

Во-вторых, демократия сама по себе создает определенные риски для существования общества, продуктивности экономического развития, некоторых ценностно-мировоззренческих систем и культурных паттернов и т. п. Представлять ее как некое неоспоримое абстрактное благо — весьма наивно и неправомерно. Демократия являет собой вполне конкретное социально-политическое устройство, имеющее как свои преимущества, так и недостатки — тем более если рассматривать его не в абстрактной теоретической плоскости сопоставления с другими способами социально-политической организации общества, а в контексте конкретных исторических ситуаций и вызовов. В частности, в плане решения некоторых проблем экономического развития, решения задач общественной мобилизации, мировоззренческо-идейной консолидированности, отпора терроризму и т. п. То, как демократические системы отвечают на некоторые острые вызовы современности, не всегда выглядит оптимальным и наиболее благоприятным для конкурентоспособности определенного общества.

Третью особую категорию составляют риски для демократии — те мощные и многочисленные практики оппонирования ей, которые возникают со стороны других, базирующихся на отличных основаниях государственных устройств и социально-политических систем. Нужно признать, что для многих социокультурных и государственных традиций обществ, вовлеченных в пространство глобального мира, демократия не является естественным фактором их самоорганизации. Более того, она выступает для них как нечто чужеродное и даже враждебное. Что, в свою очередь, обуславливает враждебность таких обществ и государственных устройств к демократическим принципам обустройства общества. Глобальный мир является не только миром распространения демократии, но и миром разнообразных попыток ее отрицания, отбрасывания и даже целенаправленной борьбы против нее.

Размышляя о рисках демократии, необходимо методологически различать хотя бы эти три различные по своей природе категории рисков. Когда их анализ осуществляется в комплексе, то потенциал конструктивных объяснений значительно сокращается. Поэтому хочу отметить, что в своих дальнейших рассуждениях буду говорить прежде всего о первой категории рисков демократии — тех, которые естественно (или же невольно, спонтанно) возникают из самого демократического процесса. Не претендуя на всеохватность, выделю несколько основных в указанной категории рисков, выбирая, в частности те, которые имеют особое значение для современной украинской ситуации.

В выступлении предыдущего выступающего речь шла о популизме в Украине. Но возникает вопрос, почему вообще популизм становится влиятельным, что делает его успешным? Явление популизма существует повсеместно, но его эффект довольно разный. Объяснение силы популизма в отечественных условиях вытекает из социальных особенностей самой украинской действительности, и эти особенности можно обобщить устоявшимся термином охлократия — власть толпы. Мы говорим о демократии, имея в

виду народовластие. Но народ — не какая-то неизменная, самотождественная величина. От качества народа, гражданского сообщества зависит, что мы получим — власть народа, подлинную демократию или охлократию, власть толпы. Не слишком углубляясь в социальный анализ и рассмотрение факторов и механизмов, позволяющих народу быть сувереном власти, отмечу лишь один индикатор, а именно — люмпенизацию населения.

Процесс люмпенизации разрушает все общественные автономии и социальные идентичности, мешает людям быть настоящими гражданами, даже полноценными участниками экономических процессов. Это и есть перерождение народа в толпу. Люмпенизированный народ не способен осуществлять демократическое правление. Он не принимает участия во власти, он *передоверяет* ее другим лицам. Это передоверие трудно назвать даже представительской демократией. Ведь подлинная представительская система настроена на репрезентацию определенных социальных интересов. Но не могут быть репрезентированы должным образом интересы, которые не осознаны, не артикулированы, не определены тем или иным образом. Формула представительской демократии — действовать *от имени* избирателей, граждан, народа. Формула политического передоверия власти — действовать *вместо* гражданского сообщества. Так происходит не осуществление власти народом, процесс народовластия, а фактически отказ от власти в пользу иных сил. Толпа — это и есть способ отказа от власти, фактическая отмена демократии при номинальном использовании ее названия.

Таким образом, представительская демократия, создавая возможность народовластия, вместе с тем одновременно создает не менее реальную возможность устранения народа от власти и концентрации всей полноты решений в руках ограниченной группы лиц.

Рядом с этим риском стоит другой, о котором также предостерегали мыслители с античных времен. Это власть большинства. Собственно, даже диктат, диктатура большинства. Не буду ссылаться в связи с этой угрозой на известные мысли Платона, Аристотеля и мыслителей уже современной эпохи — вроде Токвилля или Миля. Главное, что распространенное и даже общепринятое представление о демократии как власти большинства по сути ошибочно. Демократическое правление нацелено на гарантию прав и свобод, а не создание самодержавия большинства. Целью демократии является создание продуктивного режима совместной жизни людей — такого режима, в котором могли бы стать достоянием публичности все существующие, реальные интересы участников общества и — в соответствии с установленными процедурами — можно было бы достигать взаимопонимания, разрешать противоречия, предотвращать конфликты. Не власть большинства, а власть демократически установленного закона — вот что является основой демократического правления.

Мы видим, как этими базовыми факторами демократии пренебрегает ныне действующий в Украине политический режим. Пример действий так называемого монобольшинства в парламенте в этом плане более чем красноречив. Законы принимаются с прямыми нарушениями процедуры, сами депутаты в этом процессе постоянно играют роль не действительных законодателей, а формального “одобрямс”, что заставляет вспомнить времена советского Верховного Совета (который своими голосованиями просто “подмахивал” партийные решения). Показательно, что это политически дикарское большинство отнюдь не остается в пределах своего — вполне реального, но далеко не тотального — преобладания. Имея лишь простое больши-

нство, эта депутатская группировка (а точнее, стоящие за ней политические режиссеры) захватило практически все комитеты (19 из 23-х!), не оставив почти половине депутатского корпуса возможности влиять на решение значимых вопросов хоть в какой-нибудь сфере общественной жизни. Демократия лишь тогда прочна в своих основаниях, когда может обезопасить себя от слепой и безоговорочной власти большинства, когда, в противовес этому, она является действенным и чувствительным механизмом признания разнообразных социальных интересов и достижения консенсуса между ними.

Третий риск демократии проистекает из ее собственных практик, обеспечивающих общественный контроль над действиями государственных институтов и являющихся неотъемлемой частью демократического правления. Эту роль призваны играть, в частности, медиа. Однако в условиях современных мощных информационных технологий в сочетании с политической ангажированностью владельцев медиа последние из средств общественного контроля превратились в эффективные машины массовой манипуляции общественными настроениями и реакциями. Медиа стали индустрией требуемых состояний общественного сознания. Таким образом, мощное средство демократического правления, обеспечивающее обратную связь и контроль за действиями власть имущих, перерождается “с точностью до наоборот”.

Основной дефект новосозданного политического режима в Украине (слово режим здесь применяется, конечно, в сугубо безоценочном формате — как одно из устоявшихся политологических понятий, наряду с понятием политического порядка) состоит в отсутствии истинного понимания природы правления, которое отвечает основам демократии. Всеми силами нынешние правители возводят конструкцию *своей власти* вместо того, чтобы выстраивать систему власти, ответственной перед обществом и способной действовать в соответствии с его интересами.

Неблагодарное дело — пытаться каким-то одним рецептом справиться с комплексом разнокачественных, гетерономных социальных проблем. Но все же назову один общий фактор того, что может стать своеобразным антидотом в отношении рисков демократии в нашей стране. Сформулирую это как принцип: сегодня украинская демократия равняется развитию автономий. Употреблю это понятие во множественном числе, поскольку речь идет о ряде разнообразных автономий в общественной жизни. Прежде всего речь идет об автономии личности и всех тех предпосылках, которые ее обеспечивают — экономический достаток, неотъемлемые права и т. п. Но речь идет и об автономии бизнеса от власти и гарантии права собственности (что фатально отсутствует в Украине), об автономии / разделении государственной власти и реальной власти закона (о которой свидетельствует действенное судопроизводство), об автономии разума, об автономии тех же медиа (что предполагает освобождение их от ангажированности корыстным интересом и подчинение служению всеобщему благу) и т. п. Автономия — это один из основополагающих универсальных принципов демократического правления. Именно развитие автономий во всех измерениях общественной жизни может стать, по моему убеждению, предохранителем против тех рисков демократии, которые спонтанно вырастают из нее самой.

☛ Сергей Дембицкий:

Автономия нам нужна, но как ее достичь? Как гражданин может добиться автономии?

☛ **Сергей Пролев:**

Я подчеркивал, что это не автономия, а автономии. И в соответствии с каждой сферой, в которой автономия выстраивается, механизмы и средства разнятся. То есть если речь идет об автономии судебной власти, предполагается одна программа. А если речь идет, скажем, об автономии личности — другая.

☛ **Евгений Быстрицкий:**

Но законы принимает большинство. . .

☛ **Сергей Пролев:**

А подчиняются этому закону все. Поэтому главное не то, что за закон голосует большинство, а мотивы, которыми руководствуются при принятии закона. Только когда закон мотивируется стремлением к общему благу — это закон, а если корыстным интересом большинства (или его кукловодов) — это просто беспредел. Во-первых, право не равно закону. А во-вторых, судебная система и законодательство — это разные величины. И ни один закон не может преступать те неотъемлемые человеческие права, которые должны действительно утвердиться, и для этого существуют конкретные механизмы. Я могу, конечно, ту или иную сферу выбрать, если мы хотим получить более конкретный ответ касательно автономий. Возьмем, скажем, отделение бизнеса от власти и выясним, что нужно сделать, чтобы это произошло.

☛ **Евгений Быстрицкий:**

У меня конкретный вопрос. Когда-то мы встречались с Кондолизой Райс и говорили о медиа. Я говорю: “Госпожа Кондолиза, у нас абсолютно нет свободных медиа”. А в ответ: “Знаете, и у нас нет. Потому что это рынок”. Так что у меня простой вопрос. Мы риски обозначаем и говорим, что их нужно преодолевать. Это так называемая *must*, что должно быть, но как это обосновать? То есть какие реальные механизмы демократии существуют, чтобы эти императивы воплотить в реальность?

☛ **Сергей Пролев:**

Это продолжение предыдущего вопроса. Почему я говорю об автономии? Нужно понимать, что есть основополагающие вещи. Начну с того, что люмпенизированный народ не способен создавать и поддерживать режим демократического управления. Извините, что вынужден говорить банальные вещи, но без превращения этой люмпенизированной массы, каковой является сегодня украинское население, в мощный класс собственников — в то, что мы называем средним классом, — демократия не будет иметь социальной базы и реальных участников. Все прочие автономии “зависают” без этого. И если идти дальше и говорить о реплике Кондолизы Райс, то нужно заметить, что в развитом демократическом обществе существует автономия самого медиа-пространства, в целом публичного пространства. Там действительно те или иные игроки в этом пространстве ангажированы определенными интересами. Впрочем, и там не все так ангажированы.

Я полагаю, что сам режим существования медиа при наличии такого пространства и эффекты автономии этого публичного пространства делают невозможным соскальзывание сугубо в борьбу интересов владельцев медиа. Это открытый вопрос для дискуссии, его можно анализировать как конкретную проблему. Я же высказываю общий тезис. К этому хочу добавить,

что когда мы говорим сейчас о медиа, это интернет-пространство нынешнего дня. Никто не способен в принципе его проконтролировать.

🗨️ **Реплика:**

Это уже пятая власть.

🗨️ **Сергей Штепа:**

Хотел бы добавить — демократические страны непосредственно функционируют в рыночной экономике. По моему мнению, именно внедрение рыночных правил, в первую очередь конкуренции, и является главным предохранителем для того, чтобы Украина пошла в демократическом направлении. Если мы сравним соседние страны — Россию или Беларусь, то прежде всего увидим, что там гораздо меньше малого бизнеса. Там нет оснований для конкурентных отношений в обществе. Соответственно мое мнение как социолога таково: при условии, если в Украине не будут искусственно создаваться монополии, если будет развиваться конкурентная среда и будет существовать конкуренция, это должно привести нас к демократическому обществу.

🗨️ **Сергей Пролев:**

Все происходит постепенно. Усиление класса собственников расширяет возможности создания демократических институтов и процедур, которые обычно не становятся полновластными, но должны усиливаться. В свою очередь, эти усиленные демократические институты будут расширять возможности дальнейшего развития социальной автономии. Одно влечет за собой другое, и обычно всего нельзя сделать сразу. Сторонники идеи революции сказали бы, что можно, но думаю, что даже революция осуществляется не сразу, а путем взаимопосредованных усилий. Я сказал бы, что так происходило и так может произойти и в нашей стране.

🗨️ **Евгений Головаха:**

Я не знаю, такой ли уж у нас люмпенизированный народ. Я изучал определенные социальные группы, а этой не изучал. Но у меня есть четкое представление — не знаю как народ, а вот элита у нас люмпенизирована. Я могу это точно сказать. Меня самого фактически сделали нищим. Я не могу прийти на работу, потому что там нет отопления. И я не один такой. Мы часто получаем неполную зарплату. Наука точно люмпенизирована. Ученых сделали нищими другие люмпенизированные люди, ведь они и сами находятся на содержании. Они полностью зависимы. Будучи представителем люмпенизированной элиты, как я могу говорить о том, что кто-то люмпенизирован? Ко мне приходят, например, ремонтники и так смотрят на мою квартиру, что мне даже неловко. Как я могу говорить, что он люмпенизирован, а не я. Не в этом ли проблема нашего общества, что у нас зависимая, в чем-то люмпенизированная, в чем-то угодническая, но не самодостаточная элита?

🗨️ **Сергей Пролев:**

Интересное наблюдение. Конечно, я не хотел бы, чтобы определение люмпенизованности украинского народа как-то абсолютизировалось, но, полагаю, здесь критерием могла бы послужить задача выживания. То есть если человек расходует львиную долю своих жизненных усилий на решение проблем выживания, то собственно это и есть состояние люмпена. Оно препятствует определенным образом самоутверждаться, поскольку индивид

становится заложником задачи выживания и не может вести себя как самоуправляемый субъект.

Можно предложить и критерий люмпенизированной элиты, применительно к которой критерий выживания действительно не подходит. Эти люди имеют “заводы, газеты и пароходы”, а также виллы и т. п., но есть и иной ракурс. Он заключается в соответствии собственному призванию. По-настоящему принадлежащий к элите — это тот, кто руководствуется не собственным корыстным интересом, но, вспомним Аристотеля, всеобщим благом. Так вот, собственно тот, кто в рядах элиты вроде бы находится, но руководствуется собственным корыстным интересом, — это и есть люмпенизированная элита. За этим стоит, полагаю, более мощное социальное явление — узурпация власти и собственности в нашей стране в рамках закрытой корпорации лиц, которую условно можно назвать властью имущими. Это та опасная социальная болезнь, которая является предпосылкой очень многих других пагубных тенденций и симптомов.

☛ **Олег Билый:**

Позволю себе прокомментировать кое-что, очень кратко. Первая реплика касается рыночной экономики. Мир имеет много примеров рыночной экономики при авторитарных и тоталитарных режимах — Китай, Сингапур. Сама по себе рыночная экономика не является залогом развития демократических институтов. Вторым фундаментальным условием в как раз и является коллективная автономия, о которой говорил Сергей Викторович Пролеев. А теперь несколько слов о рисках демократии, системно заложенных в самой идее демократии. Это риск хаоса — хаоса публичности и паралича политического, при котором порой вообще невозможно принимать решения. Это порождает соблазн авторитаризма и, в конечном счете, авторитаризм. Второе обстоятельство связано с тем, что и диктатура большинства тоже подталкивает к авторитаризму, к авторитарному лидеру. Мы не застрахованы от того или иного хода событий. История свидетельствует о том, как, скажем, хаос времен IV Республики во Франции обернулся авторитаризмом Шарля де Голля. И еще одно обстоятельство. Речь шла о среднем классе, о так называемом среднем классе, на мой взгляд. Дело в том, что это социологическая фикция. Почему? Да потому что признаки, особенно коммуникативные признаки людей, которые могут сосуществовать в пределах этой категории, столь необъятны, что она, кажется, не работает. Например, так называемый средний класс породил феномен Трампа. Это именно средний класс, если подойти по имущественному стандарту. И Макрона породил вроде бы средний класс. Думаю, что лучше отказаться от таких исследовательских утопий, как их охарактеризовал бы Макс Вебер. Да и от Марковского понятия люмпена, в контексте того, что говорил сегодня Евгений Головаха. С этими категориями мы не сможем осознать рисков современной демократии.

☛ **Сергей Пролеев:**

Конечно, я согласен. Просто говорил об этом как очевидном последствии. И ситуация охлократии, которая корреспондирует в конечном счете с той неупорядоченностью, которую вы обозначили как хаос, и ситуация власти большинства, безусловно, продуцируют авторитаризм. Они продуцируют тирана, как это показал еще Платон. Также соглашусь и с тем, что средний класс — это не класс. Это определенная метафора, но не бессмысленная, не лишенная содержания метафора. Она означает, что для устойчи-

ности и эффективности демократического режима принципиально важно наличие социального базиса. Природа этого базиса и его проявления на самом деле не сводятся к элементарному вопросу. А что касается понятия люмпена, то это не Марксово понятие, оно тянется от Древнего Рима и характеризует ситуацию социальной маргинализации, которую мы сейчас наблюдаем. Ее нужно констатировать и обозначить. Если вам не нравится слово “люмпен”, назовите это по-другому, но от этого явление не исчезнет. Игнорировать его, полагаю, весьма недальновидно и вредно для любых объяснительных схем существующей социальной реальности.

☛ **Анатолий Ермоленко:**

По поводу замечания, которое высказал Олег Васильевич Билый. Дело в том, что любое понятие, социально-философское или социологическое, — это, если вспомнить Макса Вебера, определенный идеальный тип. И понятие “люмпен” или понятие “пролетариат” — это тоже не однозначные эмпирические величины. Главное, что это определенный идеальный тип и действует он в определенных рамках. А что все подобные понятия — это лишь фикции и с ними нельзя работать, я бы не согласился.

☛ **Олег Билый:**

Я не о том говорил. Я говорил о том, что эти понятия крайне недостаточны для того, чтобы постичь сущность кризиса современной демократии. Они воспроизводят картину позапрошлого века. То есть сами категории позволяют в исследовательском воображении воссоздать лишь прошлое, те модели, которые уже изжили себя, утратили свою действенность. Нынешняя модель — она неожиданная. Я имел в виду именно этот нюанс, а не возможность использовать исследовательские утопии.

☛ **Евгений Быстрицкий:**

Между прочим, понятие “люмпен” к латыни никакого отношения не имеет, тогда как относится к немецкому языку и означает, как правило, беднейшие слои рабочего класса, а в точном смысле — необразованные слои.

☛ **Сергей Пролев:**

Понятие “люмпен-пролетариат” применяется римскими историками, начиная с Момзена, для характеристики социальных процессов Римской империи.

☛ **Евгений Быстрицкий:**

Вполне возможно, но при чем тут Рим? Этимология происходит от немцев. С 1850-го года существует собственно это понятие.

☛ **Сергей Пролев:**

Я не об этимологии, я о сути социального явления. Меня не интересует этимология слов, меня интересуют социальные характеристики. Если немецкий ученый Теодор Момзен, самый выдающийся исследователь Рима в XIX веке, употребляет немецкое слово для обозначения явления древней, античной истории, то ничего неприемлемого в этом нет. Но нужно сосредоточить внимание на природе явления и его пригодности для характеристики современных социальных процессов. Меня удивляет указание Олега Васильевича на якобы неактуальность этого явления. Давайте спросим рядового украинца об обнищании — ощущает ли он нечто подобное на себе или же это явление минувших времен? Ответ нетрудно предугадать.

ИРИНА БЕКЕШКИНА,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины, директор Фонда “Демократические инициативы” имени Илька Кучерива, Киев

Гражданское общество как гарант демократии

Вполне очевидно, что гражданское общество является неотъемлемым компонентом демократии. Более того, сама демократия является следствием длительной борьбы гражданского общества за народовластие — возможность граждан самим избирать власть, всеобщее избирательное право, равенство всех граждан перед законом и т. п.

В независимой Украине гражданское общество играло особую роль, “удерживая” страну от сползания к авторитарному режиму, как это произошло в большинстве постсоветских стран, включая Россию. Известное международное исследование “Нации в транзите”, которое проводит Freedom House, неизменно оценивает уровень развития гражданского общества в Украине как существенно более высокий, чем все прочие составляющие демократии.

Активное гражданское общество по крайней мере несколько раз спасало страну — от фальсификации выборов и угрозы установления авторитарного режима (Оранжевая революция), от смены проевропейского вектора развития и попыток установить диктатуру (Революция Достоинства). И после агрессии России Украина, в условиях абсолютной неготовности армии и паралича государственных институтов, вряд ли смогла бы отстоять свою независимость без активизации гражданского общества, без волонтерского движения, добровольцев на фронте, сбора средств для армии и т. п.

Негосударственные общественные организации, аналитические центры активно приобщились к процессам проведения реформ, в частности возникло уникальное общественное объединение “РПР” (“Реанимационный пакет реформ”), которое охватывало свыше 80 НГО. Немало законопроектов важных для общества реформ были разработаны экспертами РПР, переданы в комитеты Верховной Рады и приняты — реформа децентрализации, государственных закупок “Prozorro” и некоторые другие. Под давлением гражданского общества были приняты некоторые законы, вызвавшие значительное сопротивление политического класса, например электронное декларирование доходов управленцев.

В целом после Революции Достоинства влияние общественного сектора существенно возросло — по данным опроса общественных организаций, проведенного Фондом “Демократические инициативы” им. Илька Кучерива, способность общественных организаций влиять на принятие решений властей возросла с 2,1 балла в 2013 году до 3,5 баллов в 2014-м (по 5-балльной шкале). В последующие 2015–2018 годы эти оценки несколько снижались, но все же не опускались ниже среднего балла (3,2–3,3 балла).

Вместе с тем влияние гражданского общества в значительной мере обуславливалось утратой доверия к государственным институтам, поэтому граждане возлагали надежды касательно нужных изменений на негосударственные институты. Так, по данным социологического опроса, проведенного Фондом “Демократические инициативы” совместно с Центром Ра-

зумкова, граждане считали, что отбором судей в антикоррупционный суд должны заниматься представители украинских антикоррупционных организаций (48%) и эксперты из западных стран (38%). А вот самим судьям доверить это дело были готовы всего 9% граждан, депутатам Верховной Рады — 13%, представителям президента — 5,5%.

И движущие силы реформ население усматривало в общественных организациях наравне с правительством и президентом, которых, впрочем, в равной мере считали и тормозящими реформы, в отличие от общественных организаций.

После парламентских и президентских выборов и смены власти политическая ситуация существенно изменилась.

Впервые за всю историю выборов новоизбранный президент получил во втором туре 73% выборов и стал победителем почти во всех областях (за исключением Львовской) и во всех возрастных и образовательных группах. Впервые за всю историю независимой Украины политическая партия (по сути новообразованная) получила монопольное большинство в Верховной Раде и монопольно сформировала правительство.

Наконец, впервые новоизбранный президент имел доверие в 70% и держит этот уровень уже более полугода. И впервые позитивный баланс доверия имеет и новоизбранная Верховная Рада, и вновь назначенное правительство.

Как эти изменения сказались на отношении граждан к гражданскому обществу? Если раньше на фоне утраты доверия ко всем государственным институтам (за исключением армии) граждане возлагали свои надежды на негосударственные институты — волонтеров, общественные организации, медиа, наших западных партнеров, то после выборов все чаяния сосредоточились прежде всего на президенте, его большинстве в Верховной Раде и правительстве, о чем свидетельствуют результаты опросов населения относительно ведущих двигателей реформ. Доверие к общественным организациям остается, но они, кажется, отходят на второй план.

Прежняя власть, не имевшая доверия со стороны граждан, так или иначе была вынуждена принимать во внимание общественных активистов — либо сотрудничая с ними, либо имитируя сотрудничество, а то и репрессировав, особенно антикоррупционных расследователей. У нынешней власти пока не сформировалось однозначного отношения к гражданскому обществу.

С одной стороны, некоторые министерства уже начинают налаживать весьма плодотворное сотрудничество с общественными организациями и активистами, в частности, премьер-министр Гончарук провел встречу с экспертами, на которой обсуждались разные вопросы проведения реформ. С другой стороны, отдельные ведущие управленцы новой власти время от времени провозглашают намерение развивать “прямое народовластие”, для которого не нужны “посредники” — всякие там журналисты или общественные организации. Такое “общение с народом” должно происходить путем прямой трансляции народу от власти месседжей через СМИ или социальные сети, а мнение народа, которое должна воплощать власть, узнавать через референдумы. При этом под “народом” понимают атомизированную неструктурированную массу индивидов, чей “голос” — это мнение большинства.

Так, заместитель Главы Верховной Рады Стефанчук недавно обнародовал планы касательно внесения в парламент законопроектов, которые при-

несут в страну настоящее народовластие: о референдумах — всеукраинских и местных, законодательных инициативах через электронные петиции, отзове чиновников, народном вето, народной повестке дня для власти.

Конечно, сейчас трудно судить о том, какими именно будут эти законы, ведь, как известно, “дьявол кроется в деталях”. Кто будет решать, какие вопросы выносить на референдум? Кто будет формулировать вопросы для референдума? Ведь, как известно, зачастую результат заранее запрограммирован манипулятивной постановкой вопроса.

Что означает “законодательная инициатива” граждан и как будут учитываться петиции? Ведь мы прекрасно знаем, что в интернете можно искусственно набрать голоса для чего угодно.

А что означает “народное вето”? Если исходить из данных опросов, то у нас не будет ни приватизации государственных предприятий (а она крайне необходима), ни земельной реформы (которая уже давно назрела и перезрела, хотя, конечно, и здесь “дьявол в деталях”).

Люди довольно часто эмоционально реагируют на те или иные вопросы, совсем не обладая нужной компетенцией. Так, в нашем опросе обнаружилось, что респонденты по большей части очень плохо знают Конституцию, а некоторые вообще ее не читали, но большинство считает, что она требует важных изменений. Конечно, “голос народа” нужно знать, но не всегда “Vox populi” — это “vox Dei”. Стремление “понравиться всем”, любой ценой “держать рейтинг” — это путь не к демократии, а к охлократии, который, в конечном счете, не может длиться долго.

В целом “почувствовать каждого” и учесть “голос каждого” можно лишь в небольшой сельской общине, и даже там не собирают общих собраний для решения текущих вопросов, а выбирают сельского председателя и сельский совет, которые и представляют общину. Человечество давно выработало сложные механизмы для осуществления народовластия — *демо-кратию*. Это и честные состязательные выборы, и законы, одинаковые для всех, и механизмы контроля за деятельностью власти, и свободные медиа, и разветвленная система организаций граждан,

Взаимодействие с общественными организациями, которые представляют интересы разных социальных групп, является реальной возможностью услышать и учесть в своей политике разнообразие “голосов”, то есть интересов разных социальных групп и людей с различными интересами, потребностями, мировоззренческими установками. В свое время классик теории конфликта Ральф Дарендорф очень метко сказал, что “демократия — это искусство жить в конфликте”. Альтернатива весьма проста: либо общественное разнообразие потребностей, интересов, позиций доносит до власти организованное гражданское общество — общественные организации, входящие в разнообразные совещательные структуры при органах власти, выступающие с публичными обращениями и не всегда публичными заявлениями, чьи представители встречаются с чиновниками, и в иных формах. Или же, в случае “глухоты” властей, позиция граждан громко звучит на протестных акциях.

Вместе с тем гражданское общество пока что слышно — через массовые выступления. В частности, когда был упразднен парад на День независимости, волонтеры сами организовались. Или перед встречей лидеров “нормандской четверки” в Париже волонтеры и общественные активисты организовали массовые выступления “Нет капитуляции”, где обозначили “крас-

ные линии”, которые президент не имеет права переступить, что считалось бы капитуляцией.

Однако очевидно, что такой способ донесения до властей “голоса народа” не является лучшим выходом, особенно в условиях войны. Гораздо лучше было бы проводить консультации и публичные дискуссии перед принятием решений, выслушивая разные аргументы и доказывая свою аргументацию.

Отношение к общественным объединениям граждан — это тест властей на приверженность демократии. Пока что тест продолжается.

☛ **Татьяна Гардашук:**

Не складывается ли впечатление в нашей постситуации изменения власти, что общественный сектор немного маргинализирован и деморализован? Это один вопрос. И второй вопрос, возможно, более общий: брался ли у нас кто-нибудь исследовать явление коррумпированности самого общественного сектора? Ведь это чуть ли не глобальное явление.

☛ **Ирина Бекешкина:**

Во-первых, конечно, существует очевидная растерянность в отношении к представителям данного сектора. В свое время сложились определенные связи с прежней властью. А основное недоверие со стороны нынешних властей состоит в том, что вы, дескать, сотрудничали с прежней властью. Значит, вы стяжатели и т. д., и т. п. Но любая общественная организация, желающая достичь своих целей, просто обязана сотрудничать с властями, по крайней мере пока не удостоверится в невозможности это делать. Поэтому недоверие к общественным организациям действительно есть, и очевидно, что это связано со сменой власти. Во-вторых, что касается коррупции. Давайте проясним понятие коррупция. Это касается злоупотребления служебным положением, коррупция касается государственных служащих. Если говорить об общественных организациях, можно говорить о воровстве или чем-то подобном. Это не коррупция. Не злоупотребление служебным положением. С этим должны разбираться доноры. И должна сказать, что организации, получающие более или менее значительные средства, проходят внешний аудит, и не так-то просто им что-то украсть, хотя я не поручусь, что никто этого не делает.

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,

доктор философских наук, член-корреспондент НАН Украины, заместитель директора по научной работе Института социологии НАН Украины, Киев

Рискообразующие феномены современной украинской демократии

Сегодня мы встретились для очередного междисциплинарного диалога, осознавая рискованность социально-политической ситуации, сложившейся в Украине после президентских и парламентских выборов. И одним из мощных факторов риска является неопределенность, избранная почти во всех регионах и социально-демографических группах населения на этих выборах. Почему я считаю, что выбор Владимира Зеленского и его политической силы — это выбор неопределенности? Прежде всего потому, что в отличие от голосования за предсказуемого Петра Порошенко или кого-то из других опытных политиков, избрание “политиков без прошлого” — это риск по-

лучить “другое”, которое совсем не обязательно должно быть “лучшим”. Но почему подавляющее большинство избирателей выбрали рискованную формулу “пусть даже хуже, лишь бы другое”?

Ответ на этот вопрос для меня понятен и обоснован рядом многолетних социологических исследований отношения граждан Украины к власти и политическому истеблишменту Украины: это следствие разочарования в системных политиках и традиционных политических силах, которые почти за три десятилетия пребывания при власти не смогли убедить большинство населения в своей способности что-то улучшить в стране, кроме собственного благосостояния. Вот почему не помогли Петру Порошенко яркие предвыборные лозунги, на которые он возлагал большие надежды. Именно поэтому никто из известных политиков-оппозиционеров не смог составить достойную конкуренцию лидеру “слуг народа”.

Сегодня избиратели связывают надежды на улучшение ситуации в стране именно с отсутствием у новых лидеров опыта пребывания в политическом истеблишменте как коррумпированной среде, где злоупотребление властью с корыстными целями превратилось из социальной патологии в нормативный образец. Но надежды на новое поколение политиков могут и не оправдаться, если и при новой власти будут воспроизводиться старые феномены “демократии по-украински”.

С точки зрения минималистской концепции демократии, основателем которой был Йозеф Шумпетер, в Украине с демократией все не так уж и плохо: есть электоральная конкуренция, есть конкурентные выборы, есть смена политических сил и лидеров при власти. Но исходя из более основательного понимания демократии, заложенного в расчеты мирового индекса демократии, Украину можно рассматривать как государство лишь с отдельными признаками демократической системы, которая еще не приобрела многих существенных черт современной развитой демократии. По данным 2018 года, лидерами мирового рейтинга демократии прежде всего являются страны Северной Европы, а на последнем месте находится Северная Корея. Украина занимает 84-ю позицию, опередив на одно место пресловутый Гондурас. Да, у нас существует так называемая электоральная демократия, но гораздо хуже с остальными составляющими современной демократической системы, такими как: политическое участие, политическая культура, гражданские свободы — по всем этим показателям мы среди мировых аутсайдеров. Почему? Потому что у нас, кто бы ни был при власти, воспроизводятся одни и те же проблемы, обусловленные спецификой “демократии по-украински”.

Прежде всего речь идет о хроническом несоблюдении принципа независимости основных ветвей власти — законодательной, исполнительной, судебной. У нас, независимо от конституционных требований, президентская власть абсолютная, дальше идет власть законодательная, а судебная — она вообще живет своей периферийной жизнью: либо зависит от первых двух, либо просто коррумпирована насквозь. Именно потому, что постоянно воспроизводится феномен *субординации ветвей власти*. У нас нет адекватных предохранительных механизмов для поддержания демократического состояния общества. Именно поэтому против злоупотребления властью в украинском обществе применяется метод *управляемой охлократии* (в отличие от *управляемой демократии* в России). Речь идет о специфическом феномене украинской демократии, когда политические группировки и оли-

гархические кланы используют наемных митингующих, которые изображают массовое недовольство для давления на власть.

Все еще крайне распространенным остается феномен *избирательного правосудия* как пережиток советской судебной системы, в рамках которой партийные функционеры решали, кого судить, а кого миловать. Не менее распространенным является феномен *конъюнктурного законодательства*, когда законы принимаются в соответствии с текущими интересами конкретных влиятельных групп и личностей.

Относительно гражданского общества. В последние годы наивысшего доверия населению удостоились волонтеры, помогавшие армии и другим силовым структурам Украины. Но успехи волонтерского движения еще не означают, что в Украине есть развитое гражданское общество. Подавляющее большинство общественных активистов сегодня — это профессионалы, которые получают деньги от грантодателей за свою общественную деятельность. Ничего особенно плохого в феномене *грантозависимости гражданского общества* нет. Пока в Украине не сформирован мощный средний класс, представители которого могут принимать бескорыстное участие в общественной жизни, даже необходимо пусть даже суррогатное, *наемное гражданское общество*. Но нужно последовательно создавать мощный средний класс. Его необходимо создавать несмотря ни на что. И это не метафора, а реальный феномен; это определенная часть людей, которые имеют избыточные средства на то, чтобы использовать их на общественное благо.

То есть пока мы не преодолеем упомянутые выше рискообразующие феномены, мы будем жить так называемой электоральной демократией. Мы будем выбирать новых или переизбирать старых политиков, но принципиальных изменений не произойдет. Однако я не пессимист. Почему? Потому что, по нашим мониторинговым исследованиям, достаточность социальных благ за последние 25 лет не просто существенно, а принципиально изменилась. У нас подавляющее большинство людей находилось в ситуации социальной депривации в большинстве сфер жизнедеятельности, а сегодня этого нет. Мы пересекли условную грань между массовой депривацией прошлого и все большей доступностью социальных благ сегодня. Эта тенденция наблюдается уже почти 20 лет, и она стала особенно заметной в последние годы. То есть мы сейчас накапливаем ту самую критическую массу людей, которые уже в ближайшее время будут экономически независимыми от государства и прочих источников финансирования и влияния. Именно они вскоре смогут принципиально изменить ситуацию. Поэтому, полагаю, в ближайшее время нужно удерживать ситуацию в условиях современной электоральной демократии, избегая искушения авторитарного решения назревших социально-экономических и политических проблем.

🇺🇦 **Наталья Бойко:**

Хочу добавить относительно снижения показателей демократии. Это наблюдается не только у нас, это мировая тенденция, связанная с тем, что сейчас в качестве одного из индикаторов применяют показатель свободы в интернете. Теперь уже многие страны осознали угрозу, которую может нести сеть. Поэтому они ограничивают свободы именно в сети. Таким образом, мы наблюдаем мировую тенденцию снижения демократических индексов из-за этой дополнительной нагрузки.

☛ **Вахтанг Кебуладзе:**

Я бы не согласился с двумя тезисами. Первый относительно разделения власти. Мне все больше кажется, что у нас искажен дискурс в отношении независимости разных ветвей власти. Проблема не в том, что у нас судебная власть зависима от других, а в том, что все остальные ветви власти зависят от судебной. Складывается впечатление, что в конечном счете страной управляет судебная мафия. Поэтому проблема не в том, как судебную власть сделать независимой от президентской ветви власти, от законодательной или исполнительной, а в том, как все ветви власти сделать независимыми от судебной. То есть я отчасти согласен, что у нас есть проблема независимости ветвей власти, а отчасти думаю, что проблема где-то в ином измерении лежит. И второй тезис. Я абсолютно не согласен с тем, что у нас электоральная демократия. У нас есть гражданское общество, оно, может, не очень мощное, но сильнее, чем в развитых странах Запада, так как у нас челенджи помощнее. Почувствовать то, что у нас есть гражданское общество, можно лишь будучи инсайдером этих процессов. Извне никакие социологические опросы не дадут это почувствовать. Количественная социология здесь не сработает. Что же касается примеров гражданского общества, то не будем забывать о Майдане. Это проявление, абсолютно очевидно, очень развитого гражданского общества. Кстати, я не согласен и с тезисом, что у нас, якобы, был электоральный Майдан. Я называю то, что произошло у нас в этом году, электоральной охлократией. Чем отличается электоральная охлократия от Майдана? Майдан — это дело свободных и ответственных людей. Тогда как электоральная охлократия — это процесс, в котором участвуют в основном униженные и безответственные, люди, которые в итоге не отвечают за то, что делают. Они анонимно ставят галочку и считают, что на этом их участие в демократических процессах в стране заканчивается.

Кроме того, у нас есть очевидные институты гражданского общества. Назову два, в которых я постоянно участвую. Это независимые организации ученых, функционирующие не за государственные средства, и не только на гранты, а уже, к счастью, благодаря спонсорству со стороны среднего класса. Это также, как бы это странно ни звучало, ОСМД. Весьма интересный феномен, также возникший в период Майданов. Это институты гражданского общества. Они есть, они работают, может, не так эффективно, как хотелось бы, но они есть.

☛ **Евгений Быстрицкий:**

Я бы хотел по поводу гражданского общества сформулировать некий его образ. В Украине под гражданским обществом нередко понимают те или иные общественные организации, которые кем-то — не государством — финансируются, как-то организованы и т. п. Таких организаций очень много, по крайней мере действенные среди них в сфере культуры, в сфере права и в сфере того, что называется выработкой политик, насчитывают 1520. Дело в том, что гражданское общество, если обратиться к теории гражданского общества — от Руссо и Гегеля и до Грамши, до сегодняшнего дня — это такое состояние граждан, при котором, если они ощущают неподотчетность власти или противоречия с властью, они способны организовываться, не обязательно через какие-то легализованные общественные организации, и противостоять, оказывать коллективное сопротивление. И по этому поводу о нашем Майдане. Я не буду его характеризовать. Здесь уже много сделано.

Но были и антимайданы по всей Украине. Я находился в Харькове, когда был Евромайдан. Нас там преследовали харьковские антимайдановцы целый день, за нами гонялись, пока не загнали в подвал и не бросили дымовые шашки. Что это — гражданское общество или нет? А что касательно тех граждан, которые идут на выборы? Они граждане, и образуют ли они гражданское общество? Не нужно упрощать. Я согласен с этим. Майдан имел две четко выраженные ориентации. Первая — на европейские ценности, ведь там лучше живут, и мы хотим в Европу. А вторая ориентация у нашего Майдана была и по всей Украине — это ориентация на национальную идентичность, на украинскость. Если посмотреть на сцену, то что там было? Украинская песня, украинские выступления, украинские артисты, украинские священники и т. д. Короче говоря, это гражданское общество? Сейчас мы видим то, что называют электоральным Майданом. Сейчас откат идет от жесткой ориентации исключительно на Европу. Я опасаясь, что теперь это будет происходить под лозунгом примирения с Россией, фактически реинтеграции. А с другой стороны, видим ослабление проукраинских ориентаций.

ОЛЕГ БИЛЫЙ,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии культуры, этики и эстетики Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины, Киев

“Пугало авторитаризма парит над просторами Украины”

Мне кажется, что нашей дискуссии недостает одного важного компонента, затронутого в последней реплике Евгения Быстрицкого. А именно — развитие и динамика украинской демократии происходит в условиях войны России против Украины и проблемы суверенитета, которая встала во всей своей остроте. Дело в том, что представители имитативной демократии, которые олицетворяют украинофобскую ментальность, не воспринимают саму идею украинского национального государства. И в этом контексте я бы хотел обратить внимание на два важных обстоятельства. Начиная с Корнелиуса Касториадиса, в понимании природы и функционирования демократической модели правления доминирует деление на следующие дефиниции — “демократия как процедура” и “демократия как режим”. Признаки демократии как процедуры ныне можно увидеть в политических устройствах тоталитарного (Куба, Вьетнам, Китай и т. п.), теократического (Иран) и авторитарного (Россия, Беларусь, Казахстан) толка. Очень часто процедурная демократия способствовала установлению диктаторских режимов, продолжая играть роль декоративного прикрытия. В свое время на основании 48 статьи Веймарской конституции, которая предоставляла Рейхспрезиденту право вводить состояние осады, отменять демократические права и свободы, издавать чрезвычайные декреты, Гитлер избежал от политической конкуренции в процессе выборов в парламент, назначенных на 5 марта 1933 года. Как известно, спусковым крючком для введения чрезвычайного положения послужил организованный, как позже выяснилось, самими нацистами поджог Рейхстага. Примечательно, что Веймарская конституция официально не была отменена во времена Третьего Рейха.

Некоторые законы Веймарской конституции оставались в силе в течение всех двенадцати лет нацистской диктатуры. Аналогичную историю имеем в случае со сталинской имитацией народовластия. Главное, о чем сегодня стоит говорить, так это о демократии как режиме. Он представляет собой социальное установление, возникающее как способ присутствия в политическом и правовом пространстве страны воображаемых демократических институтов. В Украине мы столкнулись с ситуацией, когда застигнутые врасплох люди посткоммунистических стран оказались в ситуации полной девальвации институциональных ценностей старого режима, господства двойных стандартов и ритуального способа поведения и лубочной пропаганды преимуществ демократических институтов. Демократические институты не стали частью социального воображения, однако из-за инерции самой формы начали определенным образом влиять на сознание. Однако деятельность власть имущих была направлена прежде всего на перераспределение собственности и на закрепление нигилизма и нигилистического отношения к институтам, за кулисами которого происходило упорядочение богатств. На протяжении многих лет отсутствовало глубинное демократическое воспитание граждан. Напротив, совершенствовались специфические политические технологии, подрывавшие веру в действие демократических институтов, отрицавших какие бы то ни было достоинства представителей политического класса в целом. Развращение нигилизмом достигло кульминации в последних избирательных кампаниях, выборах Президента и выборах в Верховную Раду. Волна охлократического нигилизма поглотила огромное количество высокопрофессиональных юристов, экономистов, которые вошли в парламент в составе разных фракций. Общество, травмированное прогрессирующим пауперизмом, стало все больше жить в параллельной реальности, в мире утопии. Выразительнее всего это проявилось в популярности сериала “Слуга народа”. Ирония истории заключается в том, что “слуга народа” — это саркастический мем эпохи развитого социализма, который обозначал касту компартийных функционеров, которые бесстыдно пользовались целым рядом классовых привилегий (специальными санаториями, специальными медицинскими учреждениями, специальными магазинами и т. п.) и в то же время постоянно талдычили о всеобщем равенстве. Сегодня мы переживаем определенный этап такого процесса. Его символом стал велосипед, на котором восседает еще кандидат в президенты Украины Владимир Зеленский с булавой в руке. В действительности же происходила смена одной олигархической группировки другой. В создании декоративной этикетки участвовала и электоральная социология, которая, по сути, подпитывала посттоталитарное авторитарное воображение. Речь идет о принципе доверия к симулированному артефакту единства на основе формальной суммы мнений. На самом деле мнения нельзя просто суммировать, ведь существует такое явление, как текучесть конфликта между социальными группами, которую принципиально невозможно зафиксировать. Это мне напоминает старую историю из романа Габриеля Гарсии Маркеса “Сто лет одиночества”, где, в частности, речь идет о том, как один фотограф хотел сделать фото Господа Бога, фотографируя пустую комнату. Так вот, электоральная социология начинает фотографировать пустую комнату ради того, чтобы уловить изменения в умонастроениях. И вместо старого выражения “С нами Бог” теперь звучит фраза “С нами социология”, как замечал Пьер Бурдьё.

Это воображение стимулировал и традиционный патернализм. На этом фундаменте развилась особая спекуляция, ставшая ведущей электоральной технологией. Ведь основными ценностями избирателей, в том числе избирателей нынешнего президента, оказались люди, для которых ключевыми понятиями являются resentment, смесь зависти, ненависти, агрессии, “жажды крови”, политической мести, желания увидеть реальных и воображаемых обидчиков в тюрьме. Сколь угодно можно не воспринимать Гонtareву, сделавшую большинство граждан втрое беднее из-за курса доллара, но я не исключаю, что когда-нибудь ей поставят памятник за спасение банковской системы Украины, радикальное укрепление финансового фундамента будущей украинской демократии. Технология электоральных победителей — это калейдоскоп многочисленных псевдо, постоянная смена масок, торжество прозелитов хаоса и пустоты. Эта технология все еще бурлит в публичном пространстве, а тем временем возникает реальная угроза сложной закулисной игры и возврата старого правила аркана, когда за спинами граждан заключаются политические соглашения. Одновременно продолжается кризис современного парламентаризма как мандатной демократии. С горизонта парламентаризма исчезли пленумы, пленарные обсуждения, дискуссии и утверждение не права большинства, а права меньшинства. С девальвацией современных основ парламентаризма, которую в определенной мере переживают и западные страны, возникает пугало авторитаризма, парящее ныне над просторами Украины.

Одним словом, мы переживаем кризис неустоявшейся государственности и кризис парламентаризма, а значит, и кризис неустоявшейся демократии.

☛ **Евгений Быстрицкий:**

Только что речь шла о воображении и воображенной общности, а в итоге почему-то о различии во мнениях. Так существует общее воображение или нет?

☛ **Олег Билый:**

Общего воображения нет, есть доминирующее воображение. Его нельзя свести к электоральной статистике.

Поскоммунистическое общество, наследие авторитарного индивида образует это воображение. Меня удивил феномен, как его сегодня обозначают, люмпенизации интеллигенции. Дело в том, что люди из моего ближайшего окружения, из художественной среды все одновременно превратились в избирателей Зеленского. То есть был проведен психосоциальный эксперимент путем демонстрации сериала “Слуга народа”.

☛ **Татьяна Гардашук:**

У меня короткая ремарка касательно того, что говорил Олег Васильевич Билый. Он подчеркнул ответственность социологов в создании ситуации, которую мы сейчас имеем. Меня лично очень поразило появление Зеленского на определенных этапах социологических опросов как медийного персонажа наряду с персонажами, укорененными в политике уже достаточно долго. Хотя подобных медийных персонажей немало, но во всех социологических опросах появлялся именно Зеленский. После президентских выборов повторилась та же ситуация в отношении парламентских выборов, когда вдруг в социологических опросах появилась партия “Слуга народа”, будто она существует, а ведь реально никакой партии не было (и сейчас мы видим, что это не партия, это ничто). И это наряду с тем, что в Министерстве юстиции зарегис-

трировано 200 или 250 партий. Но ни одна из них, так или иначе устоявшихся в общественном дискурсе, не появлялась в социологических опросах. То есть электорату постоянно инкорпорировали в сознание идею, что некий политический персонаж в лице Зеленского существует и что он на что-то способен, что существует некая партия, и люди, сознательно или подсознательно, должны были на это реагировать. Поэтому я говорю собственнo об ответственности социологов. Какая-то доля социологического вклада в нынешнюю ситуацию существует, по моему, стороннего наблюдателя, мнению.

☛ **Сергей Дембицкий:**

Социологический комментарий касательно опроса. В своем исследовании в ноябре 2018 года я спрашивал точно так же, за кого человек планирует проголосовать, но задавал только вопрос и не предлагал списков. Зеленский тогда получил 10%, Порошенко — 5%, Тимошенко — 5%. Там других персоналий было очень мало. А 50% еще не определились. То есть, конечно, можно сказать, что люди уже были готовы о Зеленском говорить, но не стоит преувеличивать роль социологии в формировании таких электоральных настроений. Это первое. И второе. В марте 2019 года у меня был разговор с человеком, очень близким лично к Зеленскому. И у него был вопрос: каким социологическим фирмам можно доверять? Я тогда удивился, ведь люди, похоже, не понимают, что происходит, даже не ориентируются в социологических фирмах. У них такая фобия была, что социологи рисуют рейтинги. Тогда я удивлялся, что они не понимают, что происходит. А сейчас я уже не удивляюсь, ведь они до сих пор не понимают.

☛ **Олег Билый:**

Я попробую кое-что объяснить на одном примере. Вы знаете, как работает баллистическая ракета? Нужно, чтобы была ракета и был двигатель, чтобы ее запустить. Дальше ее траектория не будет изменяться. Но главное, нужно, чтобы была ракета. Сначала нужно, чтобы появилась фамилия. У меня нет оснований не доверять способам опроса и подсчетам.

☛ **Анатолий Ермоленко:**

Во-первых, я хотел бы опровергнуть тезис, что при нацизме оставалась Веймарская конституция. Были определенные кодексы — уголовные и др., а конституция фактически перестала существовать. Это во-первых. А во-вторых, в самом начале говорил, что общество со знанием о себе отличается от общества без этого знания. Это простая вещь. Гипотезу, заключающуюся в том, что социология — это определенное знание об обществе, еще нужно исследовать, проверить. Это лишь гипотеза, что социологи фактически привели к власти того, кого привели. Ральф Дарендорф говорил, что хотя немецкие социологи не создавали национал-социалистическую идеологию, но они укачивали дорожку к ней.

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины, Киев

К оправданию популизма

В мейнстриме научной литературы о политике и политиках десятых годов нашего века всё заметнее волна (не девятый вал, нет) публикаций о попу-

лизме — таково мое впечатление не особо заинтересованного наблюдателя, не подкрепленное ни подсчетами, ни свидетельствами. Подробно разбирается, что такое популизм, каковы его особенности в качестве конкретной политической практики, поскольку именно популизм стал тем средством, которое с высокой вероятностью успеха ведет к командным постам в иерархиях власти разного уровня. Общее настроение однозначно: по самому большому счету, предельно принципиально, популизм если и органичен какой-либо форме политики, то это демократия. Единственно при демократии допустима искренняя толерантность к популизму, который позволительно поругивать, но без этого, но и признавать естественным элементом политического порядка.

В определениях часты ссылки на Эрнесто Лакло, которого английская Википедия называет “изобретателем” постмарксистской политической теории¹. После его смерти в 2014 году жена и соавтор Шанталь Муфф издает новую книгу о левом популизме². О популизме как глобальном явлении рассуждает Бенджамин Моффитт³. На аналитической платформе VoxUkraine Виталий Проценко выложил обложки и других книг, в частности по правому и новому популизму, в серьезной статье о позитивных аспектах понятия и источниках подпитки соответствующей практики в украинских реалиях (“Антологія популізму: дійсна причина народної любові та ефективна зброя проти українських популістів”).

Однако за пределами собственно научных разработок, в публичной сфере сложился заметный дисбаланс позитивного и негативного значений концепта. Когда говорят о популизме, то в традиционных и новейших медиа преимущественно имеется в виду нечто дешевое, некачественное; то, что подлежит если не искоренению, то радикальной маргинализации ввиду, главным образом, его неприемлемости как разновидности политической патологии. В той же семантике популист взывает к далеко не самому лучшему в людях, к их самым простым, пусть и насущным нуждам, а так поступать негоже. В общем, материализация демонов популизма, будь то доктрина или образец поведения, чьими бы пассами она не провоцировалась, выдает-ся за непроблематичный отклик на некую реальность. Такого рода претензии к популизму (обвинения в его адрес) грешат поверхностностью и тривиальностью, хотя и агрессивно претендуют на репрезентацию соответствия. Цель и истоки подобного упрощения и стигматизации заключены, вероятно, в естественной или избранной добровольно тенденциозности, в отпущенной авторам мере способности разобраться в том, по чему скользит их взгляд, и аргументированно высказаться. А с другой стороны, столь же неправомерно принять популизм в качестве универсального кода понимания самых современных политических тенденций, очевидцами которых все являются: все-таки национальную социально-политическую специфику популизма надлежит отыскивать со всей доступной научной тщательностью.

В чем бы ни состояло оправдание популизма, оно невозможно без указания позиции/координат говорящего или наблюдателя. В предлагаемом сообщении это координаты социологического структурализма, что означает сле-

---

¹ Laclau, E. (2005). *On Populist Reason*. London, Verso.

² Mouffe, Ch. (2018). *For a Left Populism*. London, Verso.

³ Moffitt, B. (2016). *The Global Rise of Populism. Performance, Political Style, and Representation*. S. L. : Stanford University Press.

дующее: наблюдаемое описывается и объясняется свойствами и особенностями различий и конфигураций (ансамблей) социальных структур. При этом подразумевается, что иные схемы интерпретации с присущими им притязаниями на то, чтобы знать точно и достоверно, существуют, но от них отвлекаются. Оттого заявленная позиция означает ограничения, упрощения и допущения, в которых отдают себе отчет исследователь или же тот, кто слагает нарратив об отслеживаемой реальности. В структурной концептуальной перспективе доминантным различием в популизме оказывается конфликтный, многими воспринимаемый как не восстанавливаемый никакими средствами раскол на “властвующий истеблишмент” и “безвластный народ”.

Предъявляемый в данном тексте неоригинальный тезис состоит в том, что не стоит интерпретировать электоральную и постэлекторальную ситуацию 2019 года в Украине и ее развитие в ближайшей временной перспективе в рамках исключительно концептуальной схемы с фокусом на популизме. Она (схема) вторична по отношению к более “сильной”, способна ее дополнять, но никак не подменять. В обоснование тезиса уместно, как представляется, привлечь широко известную и часто цитируемую лекцию М. Вебера “Политика как призвание и профессия”. Далекое не всякое произведение удастся выяснить, чем оно предуготовлено, что побудило лектора говорить именно об этом. Но в данном случае такое возможно.

С началом Первой мировой войны М. Вебер становится добровольцем. Но поскольку он (ему 50 лет) не крепок физически, не в состоянии долго идти пешком и не умеет ездить верхом, то зачислен не в действующую армию, а в резерв. В письмах и высказываниях безапелляционен: в этой войне Германия защищает свое право на жизнь. Под его началом в Гейдельберге и округе четыре десятка лечебно-санитарных учреждений, часть из которых он организовал лично. Хозяйственные дела, поддержание дисциплины персонала и разрешение межличностных конфликтов, отношения с военной и гражданской администрацией — все на нем. Некоторые ехидные современники позднее вспоминали, что дома гостей он принимал в мундире резервиста и не скрывал милитаристской настроенности. Соболезнуя родным и знакомым по поводу потерь в семьях, не забывал добавлять, что нет ничего более достойного для немца, чем отдать жизнь, защищая отчизну.

Когда через год комиссия резервных лазаретов упраздняется, М. Вебер подает прошение об увольнении, которое удовлетворяют. Наверняка он ощущал дискомфорт от того, что служит родине не там и не тем, чем должен служить интеллектуал-патриот. Политики, как известно, М. Вебер не сторонился, пытался создавать партию, участвовал в выборах. Теперь его аналитические способности и экспертные знания должны быть направлены на отбор подлежащих обсуждению и разрешению проблем: что рациональнее всего делать в сложившихся условиях, как завершать войну, каковы проблемы первостепенной важности, какими могут быть условия мира, каково наилучшее политическое устройство Германии. Так М. Вебер мыслит миссию интеллектуала в войне: способствовать концентрации и увеличению масштаба целерациональных и ценностно-рациональных действий. Им опубликовано три десятка статей в газетах, пишет аналитические записки и посылает их в министерство иностранных дел, в офисы политических партий.

В ответ — молчание, экспертное мнение М. Вебера никого не интересует. В одном из писем он констатирует, что “глазомер для возможного и полезного отсутствует у всех”. Другими словами, те, кто пребывает у власти и

принимают решения представляют из себя кого угодно, но только не политиков. И в качестве таковых просто невежественны, не отличая того, что важно, от малосущественного, доброе от дурного, что и невозможно без интернализированных нравственных принципов и ориентиров, которые выступают некоей гарантией эффективности в выборе способов достижения общественно значимых целей. Структурное различие между низкими профессиональными качествами находящихся у власти и высокими требованиями момента и обстоятельств проступило на поверхность, стало видимым, осязаемым. По Э. Дюркгейму — превратилось в “вещь” — но токсичную, поражающую то, что можно/должно представлять в виде общего блага

М. Вебер, разумеется, сожалел и досадовал, но продолжал делать то, что находил обязательным для себя — просвещал и вразумлял, оставаясь поборником рационализма тогда, когда война разрушала все его основания. Шанс состоял в том, что не чиновники и не лидеры партий, но молодежь восприимчива к идеалам и ценностям, к осмысленности и целесообразности как предпосылкам успешного политического действия. Невозможность иного положения дел не принимается им во внимание, он не позволяет разочарованию во всем и вся овладеть собой. С докладами путешествует по стране, в студенческой аудитории читает лекции, самые известные из которых — “Наука как призвание и профессия” (ноябрь 1917 года), “Политика как призвание и профессия” (январь 1919 года). Последняя лекция — как в замысле, так и в исполнении — двойственна: оригинальна (конструктивна) и, одновременно, утопична.

Своеобразие и незаурядность состоят в том, что в сложно упорядоченном и распределенном политическом строе, каким и является демократия, политика становится занятием тех, кто к ней предрасположен, кто овладел соответствующими знаниями и оснастился эффективными навыками — стал носителем определенной компетенции, позволяющей зарабатывать и содержать себя и семью. И, параллельно, лекция — не что иное, как вдохновенная утопия о рационально настроенном и действующем на основе общечеловеческих ценностей носителе этики убеждения и этики ответственности, преумножающем блага совместного и свободного пользования: об идеальном типе полноправного, аутентичного популиста. Задача исследователя, по М. Веберу, — находить и описывать отклонения от идеала, эмпирические типы, допуская, однако, принципиальную возможность единичного или относительно массового, пусть и неспешного, в несколько поколений, воплощения совершенного образца (или ничтожных от него отклонений). Но и упование на молодежь воспринимается не иначе как вынужденная и легковесная фантазия; оно издавна является последним прибежищем романтиков и не во всем разуверившихся позитивистов в их предвидениях эволюции социально-политического сущего. Впрочем, не во все эпохи: на рубеже нашей эры римляне питали естественное отвращение к любым формам превознесения или восхваления молодости. Найдутся, безусловно, наши современники, которые сочтут такую установку здравой.

Веберовская лекция подразумевает также латентную коннотацию, не распознанную ни его слушателями, ни позднейшими интерпретаторами. Она становится явной при вопрошании: когда, собственно, возникает острейшая нужда в политиках, когда без них трудно или невозможно обойтись? Ответ классика социологии таков: когда война деформировала структуру институтов и ее необходимо восстановить, то есть в экстраординарной

(чрезвычайной) ситуации (а); когда требуется сконструировать новую институциональную структуру, утвердить правила и нормы социально приемлемого поведения, отвечающие требованиям общего блага при неких, как обычно непредвиденно возникших, обстоятельствах (б). За пределами таких периодов, временные рамки которых могут варьировать в широких пределах, надобность в политиках практически отпадает. Они уходят сами, либо их вытесняют те, кто желает править и властвовать без особой оглядки на цивилизованность и порядочность.

Власть и сама по себе необыкновенно притягательна и желанна, так уж вышло, для определенной категории индивидов. Но, кроме того, в определенных обстоятельствах — при рыхлой или аномальной институциональной структуре — она становится криминогенной средой. Всем ведомы и случаются, где чаще, где реже, на всех параллелях и меридианах уголовные преследования должностных лиц, в том числе высших. И все потому, что во власти широко распространены практики легально-незаконного обогащения. Причем последняя формула отнюдь не оксимирон, ежедневно доводится читать и слышать об этих увлекательных и порой крайне причудливых занятиях бывших, реже действующих, чиновников разного ранга по присвоению/освоению разнообразных ресурсов, всеобщего эквивалента, а также об открытых уголовных производствах.

Некая нормативность таких преступлений и неукротимая страсть к обогащению имеет и структурное объяснение. Когда состав и взаимное расположение социальных институтов уродливо или диспропорционально, если и не все, то большинство, мест/позиций во власти потенциально являются местами промысла, а часть (более точно не установить) заполняющих их — не политики, но промысловики. В таких местах разве что пылливый и предвзятый исследователь способен обнаружить следы этики убеждения и этики ответственности, которые, — внушал мюнхенским студентам сто лет тому назад М. Вебер, — должны быть вмонтированы в позиции и присущи политикам.

Экономические, социальные, институциональные, социально-культурные итоги 28 лет новейшей украинской истории не дают ни единого повода подозревать, будто у нас были и есть политики. Веберовское различие *находящихся у власти*, то есть присутствующих в политике, в пространстве обсуждения перспектив улучшения условий совместного существования и способов реализации соответствующих постановлений, указов, законов (А), а также *политиков* в высоком, идеально-типическом, наверное, смысле (Б) сохраняет актуальность на протяжении всей истории независимой Украины. Политик по призванию и профессии знает, что, как, и в какой последовательности делать.

Всем памятно признание в некомпетентности (политическом бессилии) второго президента страны, не дословно, но по содержанию: “Да скажите мне, наконец, что надо построить, и я построю”. Иначе говоря: не знаю, но умею; однако воображаемый веберовский политик непременно и знает, и умеет. Находящийся у власти (не политик) делает самое легкое из возможного; политик владеет наукой и искусством невозможного. То, что обычно в медиа называют популизмом, то есть обещание простых решений сложных проблем — не просто риторический прием в коммуникации с некоей аудиторией. Но еще и стремление её идентифицировать, убедиться в ее прису-

тствии, мобилизовать, заручиться поддержкой для того, чтобы оставаться в политике без потребности быть политиком по профессии и призванию.

Вывод из сказанного, как представляется, единствен: популизм не в первую очередь причастен — и в том, собственно, его оправдание — к электоральной и постэлекторальной ситуации в Украине. Просто в отечественных широтах политиков как не было, так они и не обнаружили до сегодняшнего дня. В чем и состоит главная неизбывная опасность. Вместе с тем, озадачивающая многих радикальная смена людей, населяющих власть, свершившаяся летом 2019 года, если и несет какие-то риски, то минимальные. Преимущественно не для демократии — для граждан. Минимальные потому, что различные категории граждан адаптировались к политической некомпетентности верхов и более или менее овладели навыками уклонения от или парирования угроз, оттуда исходящих. Однако без пострадавших, а также предназначенных к медленному изводу, как всегда, не обойдется. Причем не обязательно вследствие чьего-то злого умысла; просто так складывается, ничего нельзя будет поделать. Из ненашего опыта известно, что для того, чтобы эволюция процессов и состояний обрела позитивную модальность, достаточно одного настоящего политика; уж он-то сумеет. Но никто не знает, как вывести или произвести, пусть в единичных экземплярах, столь редкую ныне породу профессионалов.

О такой осуществимости не следует, быть может, и беспокоиться: ощущение, будто началась какая-то новая эпоха, становится все более навязчивым. Антиутопия из литературного жанра грозит быстро претвориться в действительность. Из не столь уж отдаленного политического будущего проступили черты, обещающие взамен прежних иные весьма увлекательные интриги. Видятся они примерно такими: успешно начавшийся ход вещей приводит, наконец-то, к технологической сингулярности и трансгуманизму. Экспоненциальное усложнение современных обществ вообще выводит политику как профессию за пределы способностей биологического вида *homo sapiens*. И она становится призванием нового гибридного существа — *homo sapiens*, обзаведшегося вживленными гаджетами, расширяющими диапазон научно-обоснованного и, потенциально, нравственного поведения — имеющего целью, так провозглашается, возрастание массива социальных благ и облегчения доступа к ним максимально большому числу людей.

Эти, не знающие усталости трудоголики, непрерывно сообщаются с Искусственным Интеллектом (ИИ) (необходимые предпосылки создания которого сложились в первые два десятилетия XXI века); исполняют его инструкции, докладывают о состоянии среды, о произведенных вмешательствах эффектах. На него (на ИИ) теперь переложены тяготы и муки принятия касающихся всех решений и ответственности за них. Но поскольку вертикаль власти, а также оккупирующие ее любители подчинять и распорядиться никуда не делись, постольку возникают коллизии, коварные козни, нешуточные страсти вокруг того, какие данные вводить в ИИ, а какие лучше попридержать.

Ответственность за неудачи и тяготы проведения реформ, инициированных ИИ, возлагаются на него же. Замысел, не исполнение, отныне и навсегда греховен изначально. Итак, вина вменяется, широко дебатуются меры наказания. А поскольку без ИИ уже не обойтись, кары не радикальны, так, для острастки, во имя и под предлогом справедливости. Стыдливо же-

лаемая и тщательно маскируемая в старину свобода от ответственности преобразована в легитимный модус поведения тех, кто принадлежит к властвующему слою (не политики). Надобность в выборах, а значит и в тактиках коммуникации с избирателями, напоминающих популизм, по весомым, но не до конца ясным, причинам отпадает. Миф о политике как профессии и призвании выведен из научного и медийного оборота за ненадобностью. Статусы в пространстве политики распределяет ИИ, но способы повлиять на его резолюции находятся. Следует лишь отыскать порт подключения; интригами, силой, подкупом добиться доступа к нему и ввести нужную информацию.

Параллельно с био-гаджетными существами, живут и гомо сапиенсы, сторонящиеся прививок гаджетами. Утверждаются новые непреодолимые континентальные, региональные, территориальные, социальные разделения и жесткие иерархии. Со складывающимся положением вещей приходится мириться, его приходится принимать: ускорившийся технолого-цифровой прогресс хронически чреват и такого разряда издержками.

* * *

Хорошо, однако, то, что поколению, к которому я принадлежу, не придется быть очевидцем диковин подобного рода и свойства воплощенной антиутопии. Или, напротив, разочароваться в том, что ничего похожего не случилось.

☛ **Евгений Головаха:**

Так, все-таки, является ли популизм угрозой демократии?

☛ **Сергей Макеев:**

Это собственно не угроза. Мой тезис таков: популизм не представляет никакой угрозы демократии — ни сейчас, ни в будущем.

Избрание, например, президентов Франции, США, а теперь еще и Украины почему-то непосредственно связывают с популизмом. Почему? Я не знаю, почему; популизм не имеет к этому никакого отношения. Популизм как объяснительная схема не годится для описания конкретных случаев в Украине. В наш контекст популизм не вписывается.

ВАХТАНГ КЕБУЛАДЗЕ,

доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и практической философии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев

“Добавить Аристотеля к Платону”

Прежде всего хотелось бы прокомментировать само название нашего круглого стола “Шансы и риски для демократии в Украине после выборов 2019 года”. Демократия сама для себя — наибольший риск и самый большой шанс.

Утром, читая новости, я наткнулся на слова депутатки Верховной Рады от партии “Слуга народа”: “Мне кажется, что у нас в Украине настолько сильная свобода слова, что ее пора бы уже приглушить. С уважением к институту президентства следует фильтровать свой язык”. Содержание и стилистику этого высказывания комментировать излишне.

В восьмой книге диалога “Politeia” Платон пишет о переходе от демократии к тирании. Читая, с ужасом ощущаешь актуальность этого. Демократия, деградируя к охлократии, рискует превратиться в тиранию. История дает нам примеры демократически избранных тиранов. Смотря сквозь такую интеллектуальную оптику на то, что произошло в Украине в этом году, я отнюдь не согласен с предложением называть это “электоральным Майданом”. Украинский Майдан — это общее дело свободных и ответственных людей, тогда как выборы в этом году следовало бы назвать электоральной охлократией.

Еще в прошлом году я понял, что впервые на этих выборах будет противостояние не прозападной Украины и пророссийской Украины, не украиноязычной и русскоязычной Украины, а Украины тех, кто за эти пять лет почувствовал себя неуспешным, и тех, кто почувствовал себя успешным, хотя они, может, и не были успешными в общем смысле этого слова. Ведь есть разные измерения успеха, и не обязательно речь должна идти о финансовом успехе. Кроме того, быть успешным и чувствовать себя успешным — это разные вещи. Поэтому я понял, что те, кто почувствовал себя неуспешным, будут голосовать при любых условиях против предыдущей власти. За кого? Кто будет этот X? Тогда считалось, что Тимошенко. Потом вынырнул Зеленский. Кто-то считал, что это может быть Вакарчук, хотя это были весьма призрачные ожидания. Случилось, как случилось, и, как всегда, не так, как думалось. Но в любом случае деление общества произошло в основном по очень простому принципу: общество разделилось на тех, кто почувствовал себя “лузером”, и тех, кто почувствовал, что может в этой стране быть успешным. Последних оказалось меньше. Но во времена реформ это логично. Это и есть подтверждением того, что реформы все же начались. Потому что, когда на фоне войны происходят реформы, то ясно, что многих граждан это ущемляет. Это сложная ситуация. Поэтому звучали противоречивые обвинения предыдущей власти: с одной стороны, якобы не идут реформы, а с другой — реформы начались и даже реформ слишком много. Возьмем хоть нашу среду, научно-академическую. Те самые реформы, во многом дурацкие, неправильные, а в чем-то и хорошие, которые начались в сфере науки и образования. Мы их критикуем, мы из-за них страдаем. Но этот путь с ошибками, блужданиями и колебаниями мы должны пройти сами. А это очень некомфортно.

И так происходило во всех слоях населения. Поэтому среди тех, кто пришел голосовать, больше было тех, кто почувствовал себя “лузером”. И меньше было тех, кто почувствовал, что в этой стране можно жить и что у нее есть будущее. А это и есть западня (ловушка) быстрых реформ. То есть это, в конечном счете, довольно логичная ситуация. И здесь, согласно Платону, существует риск того, что общество через демократию, где высшей ценностью является ценность свободы, через охлократию, где уже свобода нивелируется и для преобладающего большинства людей свобода является пустым словом, переходит к тирании, где главная ценность — это власть. Это жесткая власть, которая обещает решить все проблемы. И подавляющее большинство людей готовы отказаться от свободы ради той власти, которая решает все проблемы. Но Платон не учел нечто. В этом, мне кажется, ошибка Платона как мыслителя, который хоть и не был апологетом тоталитаризма в прямом смысле слова, но спровоцировал много тоталитаризмов. Он не учел очень важный элемент демократического общества, замеченный Аристотелем. Речь идет о достоин-

нстве. Для демократии мало одной свободы. Очень важен дискурс достоинства и ценностей. Ведь не случайно мы назвали Майдан Революцией Достоинства. Нельзя редуцировать Майдан к интересам и рассматривать его лишь как выступление за лучшую жизнь или к ресентименту и жажде мщения, дескать, основным было требование посадить Януковича и членов его преступной своры. Майдан отнюдь не был и только выступлением за создание подлинного украинского государства, свободного от разрушительного влияния российской империи. Очень важным элементом дискурса Майдана было чувство собственного достоинства. Люди выходили не потому, что они плохо жили и, кстати, все социологи могут подтвердить, что Майданы происходят не тогда, когда чувствуется экономический упадок. На самом деле люди выходят не ради того, чтобы лучше жить, люди выходят, потому что чувствуют, что их достоинство под угрозой. Таким был первый Майдан, когда вышли против Януковича, так как были сфальсифицированы выборы. Таким был Евромайдан, когда народ возмутился тем, что один человек или группа людей своевольно нарушили общественный консенсус относительно евроинтеграции. Потом было возмущение преступными действиями силовиков. То есть если добавить к этому измерение достоинства, то есть добавить к Платону еще немного Аристотеля, то, может, мы и найдем выход из этой ситуации, может, мы обнаружим тот инструментарий, который позволит нам понять, что нам делать дальше.

Ведь нельзя сказать, что дискурс свободы и достоинства вообще утратил смысл в нашем обществе. И я не соглашусь с теми, кто опирается на результаты выборов как на репрезентативное социологическое исследование, разделяя общество на 25 процентов тех, кто остался верен этим ценностям, и 75 процентов равнодушных к ним.

Нельзя воспринимать результаты выборов как результаты репрезентативного социологического исследования, хотя выборка и была максимально большой. В первую очередь, потому что, в конце концов, перед гражданами стоял лишь один вопрос, причем весьма жестко сформулированный — или/или. Или предыдущая власть, или какая-то новая, и новое воплотилось в образ Зеленского и партии “Слуга народа”. И потому ответ на этих выборах (здесь я сам оспариваю собственный тезис об электоральной охлократии) отнюдь не рисует какую-то объективную картину тех, кто проголосовал. У избирателей, о чем неоднократно говорилось, были совершенно разные мотивы, хотя электоральное ядро, поддержавшее победителей, образовали именно те люди, которые почувствовали себя проигравшими и были готовы отказаться и от достоинства, и от ответственности, и от свободы ради того, чтобы пришел некто и порешал все проблемы; пришел и реализовал тот самый ресентимент относительно предыдущей власти. Наконец, они были против всей прежней политической элиты. Но там были и другие настроения. И наша задача — понять эти настроения. Остался ли там дискурс свободы, дискурс ценностей свободного мира, дискурс достоинства? Утвердительные ответы на эти вопросы дадут нашей демократии шанс не превратиться в тиранию.

☛ Сергей Штепа:

Мы проводили социологическое исследование электората, и увидели, во-первых, что в электорате Зеленского больше женщин, во-вторых, если сравнить с электоратами Порошенко, Тимошенко или Ющенко, больше мо-

лодежи, чем людей пожилого возраста. И нашей задачей было выяснить, чего эти люди хотят. И вот несколько вещей, которые стоит обдумать. Для большинства населения Украины нет войны, война идет преимущественно на Востоке, и чем дальше от Востока, чем ближе к Западу, тем дальше от войны. Потому что жизнь большинства людей проходит в их городках. Конкретные проблемы, присущие этому городку, вот чем руководствуются эти люди. Они и олицетворяют то общественное мнение, которое сейчас господствует. И еще: люди не столько озабочены проблемами, которые встают перед ними сейчас, сколько тем, что ожидает их в будущем. По крайней мере в ближайшем будущем.

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

доктор социологических наук, Ph. D. Манчестерского университета (Великобритания), главный научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”, Киев

Демократия в Украине: шансы или риски?

Вместо послесловия

Многие вопросы, обращенные к участникам нашего круглого стола, уже были затронуты и обсуждались. Я же попытаюсь актуализировать некоторые уже упоминавшиеся и привлечь новые аспекты размышлений о демократии как историческом политическом режиме и ценности, а также об особенностях развития демократии после выборов 2019 года в Украине. Риски и шансы, полагаю, — действительно удачная перспектива взгляда на демократию, ведь это подчеркивает открытость и нелинейный характер демократического развития. Подход к демократии как политическому режиму и общественному строю, открытым к внутренним и внешним рискам, универсален для любых демократий, в том числе тех, которые считаются устоявшимися, развитыми, или, как их методологически корректно называют, “консолированными”. Ведь даже такие демократии постоянно требуют системных институциональных и рутинных общественных усилий для их дальнейшего воспроизводства и функционирования. Эта активность по воспроизводству и дальнейшему развитию демократических институтов, соответствующих правил и ценностей — своеобразного этоса демократии — происходит в таких сферах, как воспитание и образование, медиа, деятельность общественных организаций и объединений, гражданская активность и участие. Открытость процесса воспроизводства демократии состоит в том, что оставаясь неизменной в своих базовых ценностях и правилах (таких, как свободные, честные и конкурентные выборы и верховенство права), современная демократия также трансформируется, вовлекая в общественные представления такие неклассические или, скорее, не свойственные исторической демократии смыслы, как инклюзивность, делиберативность, безопасность, качество жизни, социально-экономическое равенство и даже экономическое благосостояние.

Универсальная проблема открытости демократии как общественно-политической системы, ее рисков и нелинейности демократического процесса

звучит намного актуальнее (если не более остро) для неконсолидированных состояний демократии, таких как в Украине. Для неконсолидированной (“фасадной”, гибридной, электоральной и т. п.) демократии довольно характерны противоречивость и непоследовательность политического процесса и неустойчивость демократических институтов. Такая непоследовательность, характерная и для политического процесса в Украине, охватывает колебания между активной демократизацией, как в периоды Майданов 2004 и 2013 годов, и дедемократизацией, как в период 2010–2013-го. И хотя такие политические колебания в масштабной исторической перспективе типичны для формирования многих демократий, как показывает в своей сравнительной исторической методологии Чарльз Тилли, современники могут переживать свертывание свобод или деформации демократии как актуальные риски и опасности “здесь и сейчас” для себя и своих обществ.

Президентские и парламентские выборы 2019 года, завершившиеся победой В.Зеленского и его партии “Слуга народа”, обозначили переход к новой политической реальности. Последняя характеризуется беспрецедентным в истории новейшей Украины высококонцентрированным контролем над государственной властью во всех ее ветвях, а также — в значительной мере — над конституционными и законодательными процессами со стороны одной политической силы. Эта ситуация убедительно демонстрирует уже на современном украинском примере внутренние риски демократии, ведь такая высокая концентрация власти является результатом вполне демократических и конкурентных выборов. Впрочем, концентрация власти, если это базируется на честных результатах демократических выборов, широком общественном консенсусе относительно главных принципов государственной политики, а также при наличии действенных институциональных механизмов балансов и противовесов — сама по себе не является деформацией. Более того, это открывает новые возможности — например, для проведения многих непопулярных, но необходимых реформ в стране. Однако в условиях неустоявшихся институтов такая властная конфигурация в преимущественно патерналистском обществе несет угрозы и риски для самой все еще неустойчивой неконсолидированной демократии в смысле возможной перспективы усиления авторитарных тенденций. В частности это касается снижения действенности и без того слабой системы балансов, сдерживаний и противовесов разных властей, в частности когда речь идет о таких институтах, как политическая парламентская оппозиция, независимая судебная система, действенные и ответственные медиа.

Эти риски значительно повышаются на фоне неустойчивости демократических традиций, низкого качества и неэффективности демократических институтов в Украине, а также в обстоятельствах внешней агрессии со стороны России и продолжающегося вооруженного конфликта. Фактор войны со всеми ее аспектами, включая травматические социально-психологические последствия и политические проблемы достижения мира на Донбассе, означает дополнительные, весьма актуальные и, к сожалению, продолжительные риски для общественного порядка в стране и перспектив ее демократического развития.

Стоит также подчеркнуть, что завершение периода 2014–2018 годов не было отмечено и улучшением общественного мнения касательно состояния и развития демократии в стране. Более того, в ситуации постоянной неудовлет-

воренности качеством имеющихся институтов во все еще преимущественно патерналистском обществе не ослабевают искушения авторитарных чаяний и ожиданий относительно “сильной руки”: так, в 2018 году две трети респондентов в той или иной мере соглашались с утверждением что, *“для нормально-го развития страны нужна “сильная рука”, а не разговоры о демократии”*¹.

Возникает вопрос — есть ли у украинского общества вообще запрос на демократию как общественное благо и политическое устройство? И если да — является ли этот запрос устойчивым? В целом можно утвердительно ответить на эти принципиальные вопросы. Подтверждением этого являются не только практики двух отечественных Майданов, среди главных мотивов которых была не только борьба за свободу и защиту своего свободного выбора, но и традиции казацких вольностей, Магдебургского права от Львова до Глухова, самоуправления общин, многовековая борьба за государственную независимость и прочие исторически формирующиеся демократические практики украинского народа. В то же время не следует недооценивать институциональные, культурные, ментальные и даже демографические последствия более длительного и жестокого, чем у стран Центральной Европы, коммунистического антидемократического режима в Украине и, соответственно, последствия более мощной коммунистической индоктринации и социализации по крайней мере трех поколений украинского общества. Патернализм, отсутствие общественной и личной ответственности, низкая правовая и неразвитая политическая культура, пренебрежительное отношение к законам, коррупция — эти и другие деформации украинского общества и отечественного политического процесса во многом являются также проявлениями институционального коммунистического наследия.

Отношение украинского общества к демократии амбивалентное, раздвоенное между преобладающим признанием демократии как нормативного и желаемого политического идеала и низкой оценкой ее состояния и реальных политических практик в стране. С одной стороны, убедительное большинство (две трети) украинских граждан в 2016–2017 годах соглашались с тем, что *“демократия обеспечивает человеку наибольшие возможности для индивидуального политического выбора по сравнению с другими режимами”*. С другой стороны, более половины респондентов были недовольны ее развитием в 2016 и 2018 годах, а доля в той или иной мере удовлетворенных не превышает 20%. С одной стороны, имеем опыт антиавторитарных движений и Майданов, мощный всплеск гражданской активности, волонтерства и патриотизма после Евромайдана и во время войны на Донбассе, с другой — массовые проявления политического патернализма, безответственности и общественного инфантилизма, в том числе во время избирательных кампаний.

Основной, хотя возможно и несколько тривиальный, вывод касательно главных рисков демократии в Украине состоит, по моему мнению, в том, что демократия может быть постепенно дискредитирована низким качеством и неэффективностью ее институтов. Она может быть также дискредитирована циклическим политическим процессом, который на самом деле не преодоле-

---

¹ Здесь и далее приводятся результаты мониторинговых опросов “Украинское общество” Института социологии НАН Украины соответствующих лет. Опрос — общенациональный, репрезентативный, выборка — 1800 респондентов (от 18 лет), с 2014 года — за исключением неконтролируемых территорий Донецкой и Луганской областей и АР Крым.

вает многочисленных ловушек институционального репродуцирования гибридного политического режима и пребывания общества в так называемой “экстрактивной” модели развития. Последняя характеризуется непрозрачными, преимущественно неформальными правилами монополистического политического и экономического контроля и коррупционно деформированным распределением общественных благ бюрократическими элитами и олигархическими кланами, что позволяет им сохранять монополию на политическую власть и ренту, не прибегая к откровенного авторитаризму.

И в завершение. Демократические институты (в социологическом их понимании — как не только организационные структуры, а скорее как правила и нормы) могут формироваться и быть устойчивыми, а демократия — эффективной и консолидированной в условиях развития демократической культуры для подавляющего большинства граждан, в частности их активности, ответственности и критического мышления. Я приведу лишь один пример из наших исследований. Более половины респондентов, опрошенных в 2018 году, отказываются признавать и прослеживать собственную ответственность за выбор президента и народных депутатов. Это — симптом не только безответственности и низкой политической культуры общества, но и отсутствия развития институциональной и общественной памяти. Но, очевидно, именно этот путь трудного обучения, в том числе через личный опыт переживания всех общественно-политических и социально-экономических последствий безответственности и политического популизма, и является тем необходимым, трудным, но полезным уроком, который поможет преодолеть дурную привычку хождения по кругу и ускорить демократическое взросление нашего общества.

Материал поступил 19.12.2019